

попаданец

попаданец

Владимир Малыгин

ВРЕМЕНА
НЕ ВЫБИРАЮТ

Владимир Владиславович Малыгин
Времена не выбирают
Серия «Балтийский ветер», книга 1
Серия «Попаданец (АСТ)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69543133
Времена не выбирают: Издательство АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-158122-0*

Аннотация

Попал так попал! Как всякий порядочный попаданец, герой угодил в тело боярского сына, единственного наследника несметных богатств и обширных земель... Казалось бы, все отлично, самое начало XIII века, свои собственные навыки остались, послезнание никуда не делось. Живи да радуйся! Но всегда найдется ложка дегтя...

Не успел в себя прийти после переноса, как оказался в темнице по злому навету! Родных нет, убили, некому слово в защиту молвить! Имущество наследуемое, как оказалось, уже отобрали, земли вотчинные канули в неизвестном направлении. Хорошо хоть остался небольшой домишко для проживания. И все! Крутись как можешь, выживай! А как тут выживешь, если воевода с посадником за спиной козни строят, на явную смерть отправляют?

Да, времена на Руси всегда непростые, как их ни выбирай. Литовское войско безудержно наступает, грабит и разоряет Торопецкие, Новгородские и Смоленские земли.

Ватикан готовит очередной крестовый поход на славян, побережье Эстляндии планомерно захватывают полчища данов. А Русь, как всегда, раздирают княжеские и боярские междоусобицы!

Содержание

Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	34
Глава 3	56
Глава 4	72
Глава 5	90
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Владимир Малыгин

Времена не выбирают

© Владимир Малыгин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*** * ***

Пролог

«Старики утверждают, что раньше и деревья были выше, и реки шире, и вообще люди жили совсем другие... Не та мутная мелкота, что нынче заполонила нашу страну. Нет, не та... Те, старые да древние, были... Богатыри они были, вот что! Не чета нашему нынешнему недоразумению...»

И далее все в этом роде!

Прочитал пару глав только что купленной книжки и плюнул с досады. Закрыв, засунул книгу в пакет, сам пакет свернул и отложил на сиденье рядом. На выходе бы не забыть. Оставлю на вокзале. Мало ли кому из пассажиров приглянется... А если и забуду, то не беда, в вагоне те же самые пассажиры имеются. Кому-нибудь да пригодится!

И книжонка-то пустяк, а раздражение теребит сердце, покоя не дает. Наверняка и давление подскочило. Из-за такой вот малости теперь весь вечер в трубу!

Брюзжу, словно старик столетний... Да я и есть старик! Только не столетний, до этого почтенного возраста мне еще жить и жить...

Дежурство это еще... Сторож ночной я в одной фирмочке. По причине возраста нормальную работу все равно не найти. Да и такой вариант тоже большая удача. Есть у меня подозрение, что взяли меня на эту должность лишь потому, что имелась армия за плечами. Намек такой был на бесе-

довании, про исполнительность и ответственность.

О, моя остановка следующая, пора поближе к дверям двигаться! Потянулся рукой книжонку прихватить, да передумал – пусть в вагоне остается. Похромал потихоньку на выход. Вагон мотает из стороны в сторону, приходится придерживаться руками за спинки сидений.

В тамбуре передо мной еще какой-то мужичок выходить собирается. Остановились. Динамик остановку объявил, жизнерадостным таким голосом, что даже завидно стало – мне бы сейчас такую жизнерадостность!

Двери зашипели, пошли в стороны... Мужичок рванулся на улицу и вдруг словно споткнулся обо что-то! Чертыхнулся, наклонился, присел резко... А я уже разогнался вслед за ним и притормозить никак не успеваю! Чудом умудрился не налететь на чужой откляченный тыл!

Извернулся и боком обогнул мужичка, сделав пару приставных шажков вдоль синей стены тамбура! Ох, не по мне уже подобные упражнения! Даже суставы закрипели от такой нагрузки.

Выпрямился и шагнул на перрон...

И замер... Прямо передо мной из ниоткуда появилась огромная крылатая фигура! Я моргнул. Глюки?

Колыхнулись складки серого балахона. Свистнул разрезаемый чем-то острым воздух. Я и сообразить ничего не успел! И не почувствовал ничего! Ни толчка, ни удара. Только замигали фонари на перроне, расплылись в желтые тусклые

кляксы, накренились и завалились на бок. Перрон поплыл вниз. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Темное небо закружилось вихрем, звезды слились в сверкающую сферу. Промелькнул похожий на глобус шарик моей родной планеты и улетел в сторону. Точно, глюки!

А потом все исчезло. И ощущение полета, и сфера со звездами. Вязкая серость окутала меня со всех сторон...

* * *

Ух! Что это было?

Послышался шелест и свист, еле слышный, на грани слуха... Насторожился, забарахтался в окружающем «нечто», постарался на приближающийся звук развернуться. Получилось. С трудом, но получилось!

Знакомая крылатая фигура промчалась так близко, что меня закрутило и отбросило в сторону взбаламученным потоком! Но успел разглядеть все в подробностях... Архангел с окровавленным мечом! А на мече, как на вертеле, поникшее тело того самого мужичка из электрички! Вместо которого я на перрон шагнул!

Да еще и архангел этот меня в пустоте увидел... Зыркнул глазами, как прожекторами, у меня душа самым буквальным образом в пятки ушла! Как не испепелил только?

Вращение замедлилось и остановилось. И голоса услышал, четко, разборчиво. Словно громкость подрегулирова-

ли.

– Что этот у тебя без дела болтается?

– А куда его девать?

– Да сбросить вниз, и вся недолга!

– Вниз ему нельзя! И навверх тоже. Думай, что с ним дальше делать будешь!..

– А что сразу я должен думать? Ты взялся, ты и придумывай!

– Я взялся? Это ты сразу вниз сбежал, чтобы свою ошибку исправить! Устранился, на меня все скинул! А теперь я крайним оказываюсь? Не выйдет! Вдвоем отвечать будем!

– Тише, тише, успокойся. Не нужно так нервничать. Да и услышать могут...

– Ты совсем там, внизу, двинулся? Ну кто нас здесь может услышать? Нет же вокруг никого!

– А этот? Ошибка который?

– Твоя, между прочим, ошибка!

– Да моя, моя, ты только успокойся. Показалось, что он видел меня...

– Когда?

– Да только что! Когда я с этим грешником мимо пролетал!

– Уверен? Или показалось?

– Не знаю! Но я бы на твоём месте проверил!

– Вот когда на моём месте будешь, тогда и проверяй...

Ладно, не пыхти, гляну.

Пространство вокруг размазалось и замерло. Передо мной две огромные пернатые фигуры. Один с мечом завис, с тем самым, но только уже без тела. И крови на лезвии нет, пропала куда-то.

«Успел на мойку слетать», – мелькнула мысль. Усмехнулся.

– А ведь он и впрямь нас видит...

Вот теперь я их различил по голосу. Этого, который без меча, теперь для себя буду называть Первым.

– А я тебе что говорил? А ты – «показа-лось...»

– Это ты засомневался! – не согласился с мечником Первый.

Фигней какой-то занимаются. Как дети малые. Делать им больше нечего!

– Как это нечего? Да у нас тут столько дел! – возмутился тут же мечник.

Услышал мои мысли, гаденыш... Мечником тогда и будешь!

– Это у тебя столько дел! – тут же возразил первый архангел. – Ты-то у нас мотаешься все время вниз, не то что я...

– Так замотался, что ошибки начал делать. Пора перерыв устраивать. Или давай меняться? Я тебе – меч, а ты мне – свои весы... А ты, – строго глянул на меня, – следи за тем, о чем думаешь. А то я ведь и рассердиться могу!

– Это да, следи, – тут же поддакнул Первый, – а то ведь так можно и окончательно помере...

– А разве мне есть чего бояться? Я ведь уже все? Того? – перебил я первого архангела. И после короткой паузы тихо-нечко добавил: – Или еще нет?

– Всегда есть чего бояться. Тебе особенно!

– А чего именно нужно бояться?

– Как это чего? Тебе – всего! – И с укоризной покосился в сторону Мечника. – Дорого мне твоя ошибка обходится.

– Ошибся и ошибся, сколько раз можно одно и то же повторять! – не отступает Мечник, но понятно, что просто хорохорится, а на самом деле вину свою давно признал. Потому и разговор тут же переводит: – Так что все-таки делать будем с этим...

– Что, что... И деть его теперь некуда! Зря я тебя тут слушаю...

– Ну-у, давай хотя бы попробуем вниз отправить? Глядишь, и останется там, в аду... И не нужно больше голову ломать...

Вишу в пространстве и всеми силами стараюсь язык в... Во рту удержать! Чтобы в очередной раз не ляпнуть чего лишнего.

– Молчишь? Гордец? Ну молчи, молчи! – В голосе Первого послышалось отчетливое разочарование моим отказом говорить.

В его руке каким-то чудесным образом вдруг оказались весы, прямо из пустоты он их выдернул, фокусник пернатый, одна из чаш опустилась вниз, и архангел начал произносить

приговор:

– Душа принята, взвешена и измерена. По делам воздаем и заслуги. Отправляйся в...

– Постой! – прервал я Первого, не стал молчать. Мне уже как бы и терять нечего! Так почему бы не побарахтаться еще немного напоследок? Глядишь, куда-нибудь и выбарахтаюсь! – Какие дела? Чьи? Вот он ошибся, а мне за это расплачиваться в аду? Нет, я на такое не согласен!

Первый от такой наглости даже поперхнулся:

– Смертный, ты забыл, с кем разговариваешь? Торговаться вздумал?!

– Да не смертный я уже, – возразил. Сразу не прибили, значит, выслушают хотя бы. – Благодаря кому я сюда раньше времени угодил? Что? Забыл?

Ох, что-то я раздухарился. Понесло меня во все тяжкие. Да и ладно! Нечего мне терять. Дальше ада не сошлют! Поэтому продолжаю:

– И в результате я теперь оказываюсь крайним? Да щаз-з!

– И что? – вкрадчиво спросил Мечник. И даже будто бы наклонился в мою сторону. По крайней мере, мне так показалось. Ментальное давление возросло настолько сильно, что буквально оттолкнуло меня в сторону. Но недалеко, Мечник не позволил мне отдалиться, тут же прихватил своей лапой, подтянул поближе. – Чем ты недоволен? Ты договаривай, не стесняйся...

– Всем! – отрезал и не стал больше ничего говорить. По-

тому что почуял подвох.

– Хорошо! Можешь просить. Только проси с умом и постарайся не перегнуть палку в своих просьбах.

Выпросил на свою голову. Убедил, называется! Ну и как выбирать? Хоть бы список какой дали со всеми позициями...

Что? Деньги? Дело, конечно, хорошее, и без денег на Земле никуда, но... Тогда власть? Если будет власть, будут и деньги! Тоже мимо, не по мне это... Главное что? Здоровье, сила, влияние, навыки и умения? Любовь? Сколько позиций ни называй, а нужно все...

Погоди, а почему я на одной позиции заикнулся? Не было такого ограничения. Было сказано об одной попытке, одной просьбе! Так что просить могу сразу все! Пробую? Пробую!

– Можешь не утруждаться. Молодец! Соображаешь кое-что! – остановил меня Мечник. И пробормотал: – А ведь я с такой хитростью уже сталкивался... Да, сталкивался, был у меня за многие и многие тысячи лет подобный опыт. Этот, как там его? Хитрый такой... Он еще потом к своей жене никак не мог попасть, все по морю мотался и в разные передраги попадал. То с сиренами, то с циклопами...

Стою, не дышу. Правда, я и так не дышу, но как еще передать мое состояние? Замер, шевельнуться боюсь – судьба сейчас решается!

– К сожалению, не в моей власти все то, о чем ты себе

надумал, выполнить. И не потому, что не могу, еще как могу, но тебе самому потом такая легкая жизнь быстро наскучит! – наконец-то вынырнул из своих воспоминаний архангел.

«Да не скучно мне будет! Наоборот, я о такой жизни всю свою жизнь, упс, мечтал!»

– Ты просто не понимаешь, что за маета у тебя тогда будет. Взвоешь от тоски и сдохнешь в муках! Поверь уж мне, с моим тысячелетним опытом.

«Да не взвою и не сдохну! А опыта мне лучше самому набираться!»

– Нет, даже не уговаривай! Обещание я свое сдержу, уговор есть уговор. Но получишь ты что-то одно!

«Ну не сволю... Ох!» – промелькнула крамольная мысль, и я чудом успел придержать ее, прикусить за хвостик. Язык – гад и враг мой! Ну или что там у меня сейчас вместо него...

– Тело тебе будет здоровое! Сильное. И воин будешь хороший. И уж точно не из простых людишек! Будешь доволен! Там тебе и богатства хватит, и девок вдосталь...

– Эльфийки ушастые там есть?

– Что? – сбился с речи пернатый. – Какие эльфийки? Нет там никаких эльфиек!

– Плохо! К эльфийкам хочу!

– А тебе что? Свой мир не нравится? – вдруг обрадованно засуетился Первый. Хитро прищурился и в этот раз почему-то не рукой, а крылом махнул. – Так сделай хоть что-нибудь, чтобы исправить его! Все, разговоры закончились,

пора!

Серое безмолвие снова вихрем закрутилось вокруг меня.
И погасло.

Глава 1

Хрустнули и подогнулись колени, врезались в подбородок! Клацнули зубы, брызнули из глаз обильным потоком слезы и через солоноватую, застилающую глаза мутную пелену увидел прямо перед собой серую бревенчатую стену.

Удержаться на корточках не сумел, завалился на спину. Первым делом потрогал челюсть на предмет целостности и только потом торопливо протер ладонью лицо, попутно зацепив слипшиеся волосы. Нечаянно. Координация пока еще так себе. И голова кружится, пятна яркие мельтешат надо мной.

Проморгался, отдышался, зрение улучшилось – словно резкость появилась. Головой пока страшно крутить, головокружение вот оно, никуда не делось. Так и норовит гироскоп завалить. Да и не нужно никуда крутить, все и так видно.

Перед глазами оказался верх той самой стены, с которой я так удачно слетел. А там заваруха! Толпа на толпу наступает, железом звенит! Вслед за мной из этой толпы еще одно тело вниз грохнулось. И сразу понятно, что мертвое, мешком безвольным падало потому что. Хорошо, что упало чуть в стороне, а не мне на макушку. Но грязью меня с ног до головы все равно обрызгало.

Дернулся на автомате, и тут же голова уплыла. Как будто земля подо мной на дыбы встала! Желудок взбунтовался, еле

рвотные порывы задавил. Повел глазами из стороны в сторону, осторожно, чтобы не повторилось только что пережитое.

Надо мной звон металла и треск дерева, яростная понятная и непонятная ругань и предсмертные хрипы... То и дело сверху какая-нибудь острозаточенная железяка падает. Убраться отсюда нужно, пока не придавило чем-нибудь!

Сел кое-как, преодолевая и навалившуюся тут же слабость, и головокружение, и затопившую сознание боль. Уперся в грязь левой рукой, отдышался и уже более осмысленно провел правой ладонью по голове – сначала по лбу, откидывая на бок грязные лохмы, а потом и до затылка добрался. Осторожно прикоснулся к спутанным волосам самыми кончиками пальцев.

Ничего себе у меня грива! Чуть ли не до плеч свисает! Грива да, знатная, только сейчас она помеха – как ни осторожничал, а пальцы все равно умудрились запутаться в склеившихся волосах, зацепились, дернули и потянули волосы за собой.

Заплясали перед глазами разноцветные звездочки, снова закружилась голова. Если бы не упирался одной рукой в землю, точно бы завалился на бок. А тут удержался, усиленно задышал, стараясь перебороть нахлынувшую уже в который раз предательскую слабость. В макушке так и стреляет болью, еще и горячая кровушка потекла и намочила брови, покатилась тонкой струйкой, да прямо в глаза.

Да чтоб вас всех! Всех ангелов пернатых, о них сейчас го-

ворю! Облаготетельствовали так облаготетельствовали! От души! А ведь обещали, черти крылатые, в уши только что па-токой не лили! Как они там говорили? «Тело подберем под-ходящее, сильное, да не из простых...» Что-то не чувствую я в себе ни силы особой, ни... Кстати... Сразу же пощупал пальцами ткань подола рубахи – и одежда на мне что на вид, что на ощупь самая что ни на есть простенькая. Это и есть ваше «не из простых»? М-да! Ну никому нельзя верить...

Ладно, не на курорте нахожусь, хватит пустых воспомина-ний! Быстро осмотрелся по сторонам, не обращая внимания на вспыхнувшую в голове боль. Зря я так поспешил – если в одну сторону еще получилось повернуть голову без проблем, то уже в другую это дело не вышло. Небо надо мной тут же мотнулось вслед за моим движением, заскользило, споткну-лось о башню, зацепилось облаками за флажок прапора на маковке и встало боком.

Само собой, не удержалось в такой позиции и навалилось густой мохнатой периной на каменную стену, пошло вокруг меня звенящей каруселью, ускоряясь в своем беге и быст-ро превращаясь в серо-темную воронку. Поплыло сознание, приутихли и пропали звуки сражения, а меня начало плавно затягивать в этот вращающийся вихрь...

Нет! Достаточно слабости! Собрался с духом, перевернул-ся на правый бок. Переждал головокружение, сплюнул за-полнившую рот кровь, отдышался. Времени отлеживаться нет, тут же вроде бы как наверху мечами машут, палками

острыми в друг друга тычут! Еще и прибить ненароком могут! Вон сверху еще одно безжизненное тело по проторенному мною пути на вытоптанную землю летит. Тут хоть и невысоко, но мне сейчас и легкого шлепка хватит.

Повезло, что не на меня – тело шмякнулось о землю с лязгом сминаемого железа чуть дальше. Мятый шлем подкатился к ногам, стукнулся о подошву сапога... Колено тут же прострелило вспышкой острой боли! И эта боль самым чудесным образом окончательно очистила сознание от накатившей так не вовремя слабости!

Перевалился на живот. До бревенчатой стенки рукой подать, а показалось, что добирался до нее целую вечность. Но дополз! На брюхе, помогая себе руками. А вот ноги отказались подчиняться. Малейшее движение ступнями тут же причиняло сильную боль, отдавалось в поясницу. Ну и колени болели, не без этого.

Сел кое-как, спиной на стену откинулся, руками ноги уложил поудобнее. В ушах так грохочет, что голова раскалывается! Еще раз сплюнул, затылком к прохладному дереву прижался. Повезло, что при ударе челюстью о колени язык не откусил сам себе.

И вот это все то, чем меня Первый благодетельствовал? – Вот же сволочь, – отстраненно и уже привычно помянул архангела. Пусть ему там на небесах икается.

А глаза горячим так и заливает, только и делаю, что постоянно моргаю... Тыльной стороной ладони лицо протер, по-

косился на размазанную кровь. Сверху еще одно тело шмякнулось прямо передо мной, да так, что в лицо снова грязью брызнуло! Да откуда здесь столько грязи?!

Хорошо, что вовремя отполз с открытого места. Кстати, надо бы ноги убраться, что это они у меня во всю длину вытянулись? Нечего им так вольготно лежать! Подтянул их кое-как под себя с помощью рук. С трудом справился, со второй попытки, да и то через сильную боль в коленях.

Теперь можно и себя более подробно осмотреть. То, что на мне сапоги добротные, это я сразу заметил. Как и иссеченную в нескольких местах кольчугу с длинными рукавами. Что еще примечательного? Ножны прямые... От меча, наверное, потому что широкие больно. Пустые. И от ножа на поясе – тоже... Пролюбил я где-то все свое оружие, так получается.

Где? Тут и гадать не нужно где. Кроме как на стене, больше и нигде. А где мой шлем? Или его изначально не было? Потому-то и голову мне пробили? И рядом ничего похожего не лежит. Чужой железный колпак в расчет не беру.

Наверху так и носятся яростные вопли, летят в небо под железный лязг надорванные хрипы и крики, и весь этот шум кроет заполошный колокольный перезвон.

Прямо передо мной, шагах этак в сорока, дымят развороченными крышами какие-то бревенчатые строения. Наши строения – тут же пришло четкое понимание. Между ними суетятся люди, бегают туда-сюда с деревянными кадушка-

ми... Это у них ведра такие? А что делают? И тут же сообразил, тугодум: да пожары тушат, не дают огню на другие домишки перекинуться! Откуда огонь, кстати? И почему я решил, что строения эти наши? Может, я как раз на стороне нападающих выступаю? Откуда такая уверенность? Память этого тела просыпается? Ну-ну...

Отдышался немного, успокоился. Стало легче, звуки разделились, в глазах окончательно прояснилось. И кровь перестала их заливать. Потрогал лоб, осторожно прикоснулся к макушке пальцами – подсохшая корка на месте недавней раны. Как так?

Между мной и домами огненным градом просыпались стрелы, впились в грязь дымящей паклей и тут же погасли, пыхнув напоследок вонючим дымом. Понятно теперь, откуда огонь взялся и почему крыши разворочены. Кровлю разворошили, чтобы огонь внутри потушить. Долго до меня простые истины доходят. Это тот, прежний, тормозит у меня в голове. Или у него? Нет, никаких у него! Все, птичка улета, скворечник опустел! Теперь только у меня! Но бесит подобное зависание до злости.

Над головой в очередной раз звонко лязгнуло, стукнуло, и на голову земляная крошка просыпалась. Между бревнами тут земляная набивка? Мечи с кольчугами? Это в какой же век меня занесло на этот раз? Опять татары? Или нет? Ладно, позже поточнее узнаю. А вот то, что в рану чего-то там насыпалось, это плохо. С лекарствами здесь точно швах!

А эти два аборигена явно ко мне бегут! Рожи бородатые, злые, глаза по пятаку! Попытался рукой отмахнуться, первому подбежавшему ногу подбить, да куда там! Трепыхнулся снулой рыбехой и застыл без сил у стены.

– Живой?

– Живой, только ноги не ходят, и голова пробита! – Ответ сам собой с языка слетел, я даже и опомниться не успел.

Что вообще происходит? И язык знаю, понимаю местных отлично, и отвечаю даже! Выходит, свои? А что дальше?

А дальше стало не до размышлений. Парочка, недолго думая, подхватила меня под руки, вздернула вверх, развернулась и поволокла прочь от стены. Спинай вперед. И прямо через открытое место!

Почему-то очень четко вижу, как в нашу сторону очередной рой огненных стрел с той стороны летит. Из-за стены, значит. Сейчас по нам как раз и вдарит...

– Куда тащите, дурни! – завопил что есть силы. – Сейчас стрелами накроет! В сторону, в сторону уходите!

Дурни ничего не ответили, но направление тут же сменили, побежали шустро вдоль стены. Услышали, так получается.

А мне уже ни до чего! Ноги по земле волочатся, за каждую ямку цепляются, на камушках подпрыгивают. Боль в коленях такая лютая, что в глазах потемнело. А если там переломы? И что я тогда делать буду? Как жить-выживать?

– Куда его? – слышу сквозь боль крик над моим левым

ухом. И громко до чего же, зараза такая, кричит, что даже оглох на это ухо.

И ответа никакого, понятное дело, после такого громогласного ора, не слышал. Но по тому, как тут же поменялось направление, в котором меня тащили, и по вновь вспыхнувшей в ногах боли понял, что скоро мои мучения должны закончиться.

— Сюда? — теперь уже прокричали сразу оба, и я оглох уже на оба уха. Ответа, само собой, и на этот раз не расслышал.

Почему-то мне казалось, что сейчас подхватят меня на руки и аккуратно уложат на какую-нибудь лежанку... Ага! Действительность оказалась куда проще. Проще и серьезнее. Два громогласных дурня просто скинули мое тело наземь! Как несли, так и бросили. Только не наземь, ошибся я, а на дощатый помост. Невысокий. На котором, это я уже потом рассмотрел, находилось много таких же бедолаг.

Как не ударился затылком о доски, не понял сам. Чудом, наверное. Руки-то они мне в последнюю очередь отпустили! Так я и полетел вниз, лишь в самый последний момент успел отвернуть голову в сторону. И уберечь ее от еще одной травмы.

Гады! Перевернулся на другой бок, в ту сторону, откуда меня бросили, а этих двоих уже и след простыл. Успели за новыми ранеными убежать. Ишь какие шустрые. И ругаться как-то сразу перехотелось. Остыл. Ничего же страшного не произошло.

Подумаешь, бросили! Не на землю же... А у мужиков дело! Раненых из боя выносят, помогают и спасают. Санитары...

И сразу же увидел, как чуть поодаль двое точно таких же медбратьев как раз на землю и кинули такого же, как я, страдальца! Присмотрелся – нет, не такого. Похоже, тот уже окончательно отстрадал-ся... А павших там в рядок укладывают под стеной длинного дома.

Пока присматривался да оглядывался, ко мне девчушка подскочила, бесцеремонно в плечо и бедро вцепилась, на живот перевернула, макушку ощупала. Краем глаза успел увидеть, как она откуда-то снизу выдернула странные железные штуки, а дальше не до любопытства мне стало – от боли пришлось крепко зажмуриться! Еще и волосы чуть было не выдернула, так их крутанула. Или еще что сделала, я не понял, но больно было очень.

Потом еще зубы попробовал стиснуть, чтобы не заорать от боли, да не вышло ничего. Зубы после столкновения с коленями тоже сильно болели, а какие-то так и вообще шатались! Вдобавок еще и десны опухли! Так что не получилось у меня ничего стиснуть, пришлось руку под лицо подложить и в торчащий из-под кольчуги заскорузлый от крови рукав лбом ткнуться.

– Ты потерпи, потерпи, – приговаривала под металлический лязг девчушка, что-то там делая при этом с моим затылком. И боль начала отступать. Сначала из резкой и дерга-

ющей превратилась в тупую ноющую, а потом и совсем пропала!

Увидел, как в сумку прячет свои железяки. На овечьи ножницы похожие. Да это она мне этими штуками волосы выстригла!

Откуда-то и вода появилась. Рану мне быстренько промыла, тряпицей сухой промокнула, подула и сразу же намазала голову чем-то пахучим!

– Ну вот и все! – Девчушка ловко обернула голову еще одной такой же серой тряпкой, сколола края деревянной заколкой. – Ты пока так полежи! Пусть рана подсохнет.

– Спасибо тебе, красавица! – пробухтел через рукав.

А голова опять плывет. Света белого не вижу, так кружится.

– Ишь, ходок! В голове дырка, все мозги наружу вытекли, помирать пора, а он клинья к чужой девке подбивает! – Это кто-то со стороны прокомментировал мою благодарность. Ну никак и нигде не обойтись без благожелателей!

– А на лбу у меня что? – придержал рванувшуюся прочь девчонку. – И ноги еще, ноги глянь!

– Гляну! – Быстрые пальцы пробежались по ногам, от бедер до стоп. – Где больно? Говори!

– Тут! И тут еще! – послушно ответил.

Повернул голову набок, осторожно, чтобы повязку не сбить, а перед глазами обтянутый платьем крепкий девичий задок оказался!

– Алена, ты глянь, глянь, куда он свои буркалы выпучил! – ехидно прокомментировал мое движение тот же мерзкий голос.

– Что? Вран, ты зачем меня отвлекаешь? – отмахнулась от комментатора девчонка и переступила с ноги на ногу. Платишко на бедре еще больше натянулось... – Ушиб у тебя сильный. Травы на ночь приложу, к утру все и пройдет. А на голове я раны обработала. И... Ты это куда уставился, охальник?!

Поднял глаза... А девчушка смотрит на меня с возмущением. И столько усталости в этом ее взгляде, что стыдно мне стало. Не за себя, я-то ничего дурного и не замышлял, и оно у меня само как-то так получилось, но все равно очень неудобно перед этой вымотанной до чертиков девочкой. Она тут зашивается среди раненых, помогает им по мере своих малых силенок, а тут еще и... Доброжелатели всякие со своими дурацкими намеками! И головокружение сразу же прошло, и сознание вроде бы как очистилось от тугой плесени чужих эмоций. А ведь это он меня подставляет, прежний хозяин тела! Не хочет отступить.

– Ты бы язык свой попридержал! – бросил идиоту-комментатору. Пусть я его и не вижу, но окоротить должен. А то и впрямь разошелся он что-то.

– Вы гляньте, кто тут голос подал! – тут же встопорщил перья неизвестный. – То сидел ниже травы, тише воды, а как рану первую получил, так и духом воспрял!

– Ну чего ты к парню привязался? – влез в разгоравшуюся перепалку еще кто-то чуть дальше. – Васька себя хорошо показал! И на стене род не опозорил! В одного на ворога кинулся... Если бы на себя первый удар не принял, то нас со стены точно бы скинули!

– Вас не знаю, а вот его точно скинули! Сам видел! Летел вниз, растопырившись, словно курица с насеста!

– Тьфу, болтун! Ну скинули, и что? Зато живой. И нам сумел помочь! Опять же, спину ворогу не подставлял, как некоторые...

– А кто подставлял? Я, что ли? Это ты на мою рану намекаешь?

– Да я не намекаю, я прямо говорю!

– Да меня тоже со всех сторон били! Вот и получил по тому месту, о котором упоминать стыдно! А ты промолчать не мог? Обязательно при всех напоминать нужно было?

– Так и ты тоже Ваську при всех поносить начал, не принимая голоса! Так что думай, стоит ли так впредь поступать...

Кто это так за меня заступается? Жаль, голову не поднять. Да и не хочется поднимать, если честно. Хочется глаза закрыть и спать. Мазь так действует? И грохот сражения не мешает...

* * *

Очнулся, а вокруг тишина, ночь. Луна прямо над нами

висит, огромная, желтая, освещает не хуже электрического фонаря.

Скосил глаза влево, вправо. Тот же помост с ранеными, ничего не изменилось. Что самое интересное, нигде храпа не слышу! Тишина... Сказал бы, что мертвая, да не тот момент, чтобы так говорить! Поэтому пусть будет глухая. И никто не шевелится, никакого движения вокруг, только спящие тела в рядок лежат. Ладно. Состояние у меня уже вроде бы как нормальное, можно попробовать осторожно приподнять голову. Ну-ка...

Затылок болью дернуло! Рана засохла, кожу стянуло коркой, потому и чувствительно так. Зашипел, замер, утихомиривая болезненную вспышку. Прошло? Прошло. Сжал зубы и продолжил вставать. Приперло очень потому что, на клапан надавило.

Сел, ноги с помоста вниз опустил. Зубы стиснул, в доски пальцами вцепился — ждал боли в коленях, но не дождался, все хорошо было. Осторожно перенес вес тела на ноги, прислушался к организму. Отлично! Ничего не болит, суставы в норме, и не шатает даже. А вчера ведь и шага не мог самостоятельно сделать после своего, теперь уже точно своего, эпичного приземления.

Кстати, а почему мне никаких травок к коленям не приложили? Обиделась, похоже, на меня за тот нечаянный взгляд девчушка... Или просто закрутилась, забыла. Скорее всего, что так и есть. Не на что тут обижаться.

А где моя кольчуга? Когда только снять успели! Огляделся, а все мое железо рядышком лежит. И пояс на броньке сверху. Даже нож с мечом принесли, в ножны вложили! А вот и шлем с подшлемником...

Протянул руку, ощупал пальцами гнущее железо. Спасители вы мои... Верхушка сильным ударом прорублена. Если бы не шлем, то не сидел бы я сейчас на этом помосте, а лежал во-он там, под стеной. В рядок с такими же точно несчастными.

Организм недвусмысленно дал понять, что не время сейчас любопытствовать! Пора вставать!

Шагнул раз, другой и остановился. Еще раз вслушался в свой новый организм. Отдых явно пошел на пользу. За время сна я это тело как свое начал ощущать.

Ну и куда мне идти? Память ничего нового в нужном мне плане не подсказывает. Пусто там. А терпеть сил нет. Переступил с ноги на ногу. Лежащий рядом со мной народ головы приподнял – умудрились услышать мое тихое шебуршание. Чутко здесь люди спят, сторожо.

– Василий, куда это ты ночью идти собрался? Ноги бы поберег, не ломал лишний раз.

Тихий голос ближайшего соседа заставил оглянуться.

– Да мне бы отлить...

– А чего тогда на месте мнешься? Али забыл, куда бежать?

– Забыл, – признался. – Не поверишь, но ничего не помню!

– Заладили! Тут помню, тут не помню! Дайте людям поспать. Ночь короткая, а завтра с утречка снова на стены идти! – зашикали на нас со всех сторон. – А ты, Василий, ступай за угол, потом прямо. Там унюхаешь, куда дальше идти. А ты, дядька, спи лучше. Вот как рассветет, так его обо всем и расспросишь...

Пока так шушукались, к нам женщина в темной одежде подошла. И тоже тихо так, если бы не луна, то и не увидел бы. Местные, они-то сразу внимание обратили и языки прикусили, отвернулись и сделали вид, что заснули. Вчера все бойкие на язык были, девчонку ту совершенно не стеснялись, а тут притихли. Ну и я с них пример взял, насторожился.

– Что за шум? Почему не спим? – Подошедшая меня выбрала крайним. Я же на ногах, в отличие от всех остальных, нахожусь. – Куда собрался?

– Мне бы в туалет, – попытался объяснить.

– Куда? В какой еще туалет? – переспросила женщина. Ухватила меня за рукав и потянула назад и вниз, на мое прежнее место. – Тебе лежать нужно! Давай помогу лечь...

– Да надо мне! – уперся я.

– До утра не можешь потерпеть? – сообразила женщина.

– Не могу, приспичило.

Стою, переминаюсь с ноги на ногу. И выражение лица при этом еще строил соответствующее. Мол, сейчас-сейчас!

– Ну так иди, – удивилась сестричка. Ну а кто же еще? Мы же в лазарете находимся, так понимаю? В средневековом, на-

сколько я успел разобраться. Значит, точно сестричка!

— А он не помнит, куда идти, — тут же влез в разговор еще один проснувшийся. С уже знакомым мне молодым и ехидным голосом. Как его там кличут? Вран? Похоже, что это он и есть! — Ему на стене так хорошо прилетело, что всю голову напрочь отшибло!

— Как это не помнит? — оглянулась мельком на ехидного и явно удивилась его словам сестра. Ответа не стала дожидаться, сразу же развернулась в мою сторону: — Что? И правда не помнишь ничего?

— Так по голове же прилетело, — постарался я отмазаться. Чем не подходящая причина? И рана на темени как раз присутствует.

— Вот беда-то! — всплеснула руками санитарка. — Ну да ничего, бывает, что и опамятуешь от хорошего удара, да потом все равно все пройдет. Только потерпеть нужно.

— Да я что? Я ничего, — согласился. И добавил: — А терпеть-то уже точно сил нет.

— Ну пошли тогда, провожу и покажу, где у нас что, — подхватила меня под локоть женщина и потащила за угол, быстро перебирая ногами.

Пыхчу, стараюсь не отставать, а плохо получается. Переоценил я свое состояние, не оправился еще толком после падения со стены. Побаливают ноги, и шатает меня из стороны в сторону весьма ощутимо. Попыхтел-попыхтел и взмолился:

– Не могу так быстро! Не успеваю!

– Тут немного осталось, потерпи. А то придется портки менять, – не вняла моей мольбе сестричка и сильнее потянула вперед.

Дернула за руку, я засеменял... В голове болью полыхнуло, перед глазами помутилось, сознание сбой дало.

Ноги ожидаемо не успели за телом, зацепились одна за другую. Меня развернуло, затрещали суставы, локоть освободился от захвата... И полетел бы я носом на землю, если бы не моя сопровождающая. Точнее, не совсем она. Ткнулся я лицом как раз в то место, что у нее пониже спины находится. Ухватился руками, бедра облапил – очень уж падать на землю не хотелось. И ведь не специально все это проделал, оно само как-то получилось! Точно, башка не соображала ничего!

Но на колени все равно пришлось опуститься. А женщина в этот момент резко развернулась, а платье-то, или как там оно у нее называется, я не отпустил.

Сколько книг прочитал, сколько фильмов пересмотрел, и везде в таком вот случае ткань не выдерживает, с треском рвется в клочья, разлетается на две половинки, открывает глазам самое сокровенное... Ничего подобного! Врут они все! Ткань оказалась настолько крепкой, что выдержала и резкое движение женщины, и даже мой весьма немалый вес. А женщина – нет! Потеряла равновесие в развороте, запуталась в сбившейся ткани, растерялась и явно не успела сооб-

разить, что нужно дальше делать. А тут еще и я на ней мертвым грузом повис... И пальцы мои, предатели, отказались разжиматься, выпускать из захвата складки платья.

Так мы и упали. Оба. Первым все-таки я на землю завалился, на спину. И женщину эту за собой потянул, платье-то я так и не выпустил из рук почему-то. Все голова виновата! И тот, прежний! А уже потом, явно тоже растерявшись от неожиданного моего нападения, на меня сверху она навалилась... Придавила лицо мягким, задохнулся я от нехватки воздуха, затрепыхался и попытался вывернуться. Приподнял голову... Тут-то мне в нее и прилетело. Раз, другой! И прямо по подживающей ране! Только искры из глаз и посыпались!

Глава 2

Резкий удар по щеке! Как ожог! Зато сразу пришел в себя, очнулся. Осознание происходящего пришло сразу, словно и не было минут забвения. Голова от удара мотнулась из стороны в сторону, закружилась: противопоставлены мне сейчас такие нагрузки. Но и мириться с произволом не стал, отмахнулся наугад и даже куда-то там попал. И, похоже, хорошо так попал – с удовлетворением услышал в ответ сдавленный сип. Как раз и в глазах прояснилось. От встречного удара увернулся: просто убрал голову в сторону, и летящий прямо в лицо кулак врезался в подстывшую грязь!

От злости свело челюсти – несколько грязных капель попали прямо в лицо! Да чтоб тебя! Недавно ж только голову отмыли! Хорошо еще, что успел среагировать и прищуриться, а то бы и в глаза прилетело. Разозлился крепко за все нынешние непонятки и сдерживаться не стал, сразу же ударил по воткнувшейся в землю руке! Ломать локоть ни к чему, лишать защитников еще одного бойца не захотел, пожалел. Но извернулся тут же и сверху на затылок ему ладонью надавил, не удержался, вмял лицом в эту же грязь! И сам в эту же грязь следом за ним лицом уткнулся! Очень уж крепко придавили меня к земле, навалились кучей сверху. Прижали, руки попробовали выкрутить и только хуже сделали. Да не мне, я-то уже приспособился, а вот первому бойцу толь-

ко хуже сделали. Голова его по самые уши в грязь ушла. Да не задохнулся бы он там! Уже и пузыри выпустил, грязь забулькала!

Хэкнул, сгорбился, уперся руками. Поднапрягся, приподнялся, выдернул ему голову одной рукой из грязи за ухо! Тут же в бок сапогом пнули, словно железякой по ребрам приложили! Успел отблеск металла на сапоге засечь. Да что же это такое делается!

Тут я еще сильнее озверел, вывернулся, скинул с себя навалившееся на спину чужое тело. Перехватил летящую в мои ребра чью-то ногу, поддернул ее вверх и сам на спину исхитрился перевернуться. Тут же еще кто-то на меня рыбкой кинулся, но тут уж я не оплошал – в живот ему ногами ударил, отбросил назад, заодно и оттолкнулся от него, перекатился через голову, на ноги вскочил, пригнулся... А вокруг – толпа! Тесно стоят, плечом к плечу, и тишина ошеломительная! Только отплевывается от набившейся в рот грязи самый первый из нападавших.

Щека огнем горит, и не от сильного удара, а от стыда и злости на ударившего. Кто посмел только?! Лица за грязью не разглядеть!

– Довольно! Взять его!

Не успел осознать прозвучавший приказ, как на меня со всех сторон и навалились! Я только и успел, что два раза руками махнуть! А там уже все, зажали, с двух сторон подхватили под руки – не дернуться! Но и смириться просто так

не захотел – постарался вывернуться из цепкого захвата раз, другой... Бесполезно, словно в тиски попал. Только хуже себе сделал, они в меня еще крепче вцепились. А руки эти чужие – в железных рукавицах, и так вцепились в рубаху, черти, что вместе с тканью еще и шкуру прихватили. Больно...

Зато просторнее вокруг стало – народ чуть-чуть назад отхлынул. Ну, раз повязали, то можно и оглядеться по сторонам. Толпа вокруг собралась нешуточная. Плотно стоят, плечом к плечу, не протиснешься. И смотрят при этом на меня, словно на врага народа! В лунном свете вижу хмурые бородатые рожи... Кого? Как мне их называть? Соплеменники? Союзники? Или кто? Если мы в одних рядах воюем? Или воевали? Иначе почему бы меня вдруг вязать кинулись? Ничего не понимаю... Да еще меня здесь чуть ли не каждая собака по имени кличет?

Тех амбалов, что меня под руки поддерживают и отпускать не собираются, я не знаю. Или не помню, что скорее всего. Как не знаю и того, кто стоит прямо напротив меня в двух шагах и кривит презрительно рожу. Точно начальник какой-то, доспех непростой и вид такой, соответствующий и руководящий...

Переступил с ноги на ногу, поежился. По маленькому-то так и не успел сходить, а сил терпеть совсем мало осталось. Хорошо хоть не опозорился, не обмочил портки, пока без чувств валялся на сырой земле. Кстати, а кто это меня так по голове приголубил? И за что?

Глянул, а того грязного воина уже и след простыл. Жаль. Ну да ничего, как я уже понял, тут все друг друга знают. Значит, имечко его я точно скоро добуду!

– Утром вину твою судить будем! – принял решение стоящий передо мной начальник и скомандовал амбалам: – А пока в поруб его! А вы что столпились? Отдыхайте! Завтра день такой же тяжелый будет!

– Какую такую вину? И зачем в поруб? – успел возмутиться такому произволу. – И вообще, мне отлить нужно! Сил терпеть нет!

– Там и отольешь! – заржал в полный голос один из стоящих напротив.

Это кто так радуется? Кто-кто! Да это тот самый, как там его... Которому больше всех от меня чего-то там нужно было... Во, вспомнил! Вран его кличут!

Тем временем амбалы времени не теряли, поддержнули меня, ухватили покрепче... Куда уж крепче... Кивнули друг другу:

– Потасили?

И понесли. Взаправду понесли, мне даже ногами до земли никак не достать! Да я и не старался особо. Так, разок попробовал, убедился, что не получится ничего у меня, и успокоился. Даже чуть ноги поджал. Ну а что? Пусть несут с комфортом!

– Погодите! – попытался хоть что-то выяснить о происходящем.

Да кто бы меня послушал... Прут, как кони. Только скорость набирают.

– Стоять! – рывкнул на этих мордоворотов.

О, послушались! Затормозили так резко, что у меня ноги вперед мотнулись.

Вывернул голову, крикнул в спину уходящему командиру:

– За что меня так?! Что я плохого сделал?

– А то ты не знаешь? – остановился тот и лениво так оглянулся через плечо. Соизволил, снизошел до разговора!

– Знал бы, не спрашивал!

– Вот завтра и узнаешь! – окинул меня нечитаемым взглядом начальник и рыкнул на амбалов: – Ну, и чего замерли? Тащите его, коли сам идти не хочет!

– Вась, ты это... – замялся второй из амбалов. – Не обессудь, но мы люди подневольные. Что сказано, то и выполняем.

И с этими словами приподняли и снова поволокли меня куда-то в ночь. И луна, как назло, против меня! За облака спряталась...

– Да погодите вы! – Раз такое дело и рык мой на них так хорошо подействовал, то нужно пользоваться моментом и хоть что-то выяснить! – Я сам пойду! Вы мне только дорогу укажите!

– А то ты не знаешь, где у нас поруб находится?

– Да не помню я ничего! Память отшибло на стене! Говорю же, отпустите, сам пойду! – Эта фраза у меня получилась

вроде приказа, и конвоиры мои, на удивление, послушались.

– Как это ты не помнишь? – удивились оба. И даже оставились. А голоса такие... Сочувствующие мне...

– А так! Говорю же, вообще ничего после удара по голове не помню!

– А хорошо, видать, тебе приложили, что память начисто отшибло! – обрадовался почему-то первый из амбалов.

– А ты-то чему радуешься? – простодушно удивился сочувствующий мне второй страж. – Ты же не ему, ты батюшке его был должен! А боярин ничего не забывает!

– Погодите, какой боярин? – влез с вопросом.

– Как какой? – теперь уже удивились оба. Но руки мои так и не отпустили. Хорошо хоть сжимать их не так сильно стали, придерживали скорее, а не держали. И шкурку зажатую выпустили. – Родитель твой, боярин Липный. Неужели и это забыл?

– Ничего не помню, – мотнул башкой из стороны в сторону. Только зря я это сделал: равновесие в очередной раз потерял, и ноги слабину дали, просели в коленях. И этот, прежний, тут же воспользовался моей слабостью, навалился, замутил голову, попытался перехватить управление телом.

– Э-э! – Пальцы амбалов снова крепко вцепились в одежду, приподняли под руки. Хорошо хоть на этот раз шкуру не защемили. – Ты чего это?

– Ох, что-то ноги не держат... – Стараюсь в обморок не завалиться, отбиться от липкой паутины чужого сознания.

– После такого удара бывает, что и вообще на ноги седмицу встать не можешь! – авторитетно заявил второй из стражей. – Ты подышь, подышь грудью. Мы постоим немного. Тебе теперь поспешать некуда...

Только надолго их не хватило, даже отдышаться не дали, любопытство их одолело:

– Вась, а чего ты на боярыню Стефу полез? Тебе что, дома было девок мало? Старуха эта тебе зачем понадобилась?

– Кто полез? На какую старуху? – сильно удивился вопрошу.

Или это тот, прежний, удивился? Что даже опешил на секунду от такого кощунственного для него предположения. А я этой оплошкой и воспользовался. Тут же перехватил управление телом, придавил чужие эмоции, сбросил паутину с собственного сознания.

– Да говорю же, на боярыню! Теперь тебе раскошелиться придется!

– Да ни на кого я не лез! Упал просто. Говорю же, голова кружится! – Добиваю между делом прежнего хозяина, а сам уже сообразил, что за вину на меня пытаются повесить! Кстати... – А что за боярыня такая? И что она тут ночью делает?

– Это ты завтра князю скажешь, что упал. Глядишь, поверит он тебе. А про боярыню что? И впрямь ничего не помнишь?

– Не-а, – прохрипел.

Что-то не на пользу пошли мне мои недавние прыжки и кувырки. Прежнего хозяина тела вроде бы как осилил, но этот гад памятью делиться отказался. Напрочь! Перед тем как окончательно уйти, последние воспоминания забрал! А это очень больно! Голова теперь вообще отваливается, моргать сил нет, не то что говорить!

– Так она завсегда недужным помогает! Раны лечит, от огневицы их заговаривает. Травница она знатная...

– Сказал тоже, травница! – не согласился с товарищем второй амбал. – Ведьма она проклятушая! Вон Ваську заколдовала, заморозила, он со стены и прыгнул! Ты вот прыгнул бы по своей воле? Нет! И я нет! А почему он на эту старую каргу набросился? Говорю же, заколдовала!

– Тише! – цыкнул первый. И огляделся по сторонам. – Еще услышит кто, донесет! Пусть лучше травницей будет! Она же и впрямь людям помогает. Вот и Василия на ноги поставила!

– Меня Алена поставила! Она мне голову обрабатывала, – проскрипел кое-как, пытаясь хоть как-то отдышаться и в себя прийти. – А эту знахарку-боярыню я только сейчас и увидел.

– Так зачем же ты тогда...

– Да я сам ничего не понимаю! – Хотел руки еще в стороны развести для усиления эффекта, да не вышло, не позволили мне это сделать. Ну и ладно, расскажу как есть. – Очнулся, а уже ночь. По-маленькому так приперло, что терпеть

не смог. Вот и пошел. А тут она, проводить вызвалась...

– Что? – удивился левый качок. – Сама вызвалась? Бре-шешь!

– Собаки брешут, – покосился на него. – А я говорю. Да у меня и свидетели есть!

– Кто? – переспросили в один голос оба.

– Кто, кто... Видаки! – подобрал нужное слово. – А где сама боярыня? Почему я ее потом не видел?

– Так ушла она сразу, – удивились оба. – Ты же на боярыне всю одежду в ключья изорвал!

– Как изорвал? Еще и в ключья? – Теперь уже пришла моя очередь удивляться. – Я же хорошо помню, что ничего не порвал...

– Вот поутру все и расскажешь. А теперь пошли. А то заболтал ты нас совсем. Сам пойдешь или тащить тебя?

– Сам! Нечего меня тащить. Вы только дорогу укажите...

* * *

Позорить меня не стали, позволили отлить перед входом. Но и тут никуда от себя не отпустили, так и стояли рядышком, службу бдели. Ишь, добросовестные какие! Правда, пробурчали перед тем как:

– Ты нас только не забрызгай!

Тут силы того гляди кончатся, ноги дрожат и подкашиваются, а они юморят! Но справился кое-как.

Потом внутрь запустили, по коридору короткому с нависающим на голову потолком провели и в этот самый поруб затолкнули. Ну и дверь тяжелую и, видно, что очень крепкую, за мной тут же и захлопнули!

На ногах не удержался, завалился. Так, лежа, и осмотрелся, насколько это было возможно. Крох лунного света, кое-как пробивающегося через узенькое окошечко под потолком, едва хватило оглядеться. Подвал с каменными стенами – вот что это такое! И больше ни на что это не похоже. И пол земляной. Ни лавки какой-нибудь завалящей, ни охапки сена в углу. Как хочешь, так и обустройся. А я мокрый насквозь и в грязи по уши! Холодно!

У стены устраиваться на ночлег не стал – мокрый камень обжигал ледяной стужей. Где упал, там и остался. Не из чего выбирать. Прилег прямо посередине клетки, свернулся калачиком, глаза закрыл.

Только задремать не вышло, очень уж зябко здесь было, не согреться никак. Хочешь не хочешь, а пришлось вставать и помаленьку шевелиться, несмотря на ранение и сотрясение. Иначе никак. Тут два варианта: замерзнуть в неподвижности или выжить в движении...

Последнее и спасло. Движение. Сначала осторожное, потом все более уверенное и сложное. И еще то, что окончательно избавился от прежнего хозяина этого тела. Не мешал он мне больше. И тело с каждым мгновением все больше и больше начинало мне подчиняться. Жаль, не успел оконча-

тельно с ним слиться.

Шорох за дверью услышал сразу. Услышал – и насторожился. Дверь закрипела и приоткрылась. Через эту приоткрытую щелку из подвального коридора тусклый свет в мою каморку на мгновение пробился. И тут же проем кто-то заклонил, снова темно стало, а я уже сбоку от проема стою, к склизкой стене прижался. Само оно как-то у меня так вышло. А потом отблеск огня на остром жале наконечника увидел и замер.

– Где он?

Стою, не дышу и глаз не свожу с этого блестящего наконечника! Смотрю, как он медленно из стороны в сторону перемещается, меня ищет.

– Темно тут, ничего не вижу. Ну-ка подсвети! – скомандовал стрелок невидимому напарнику.

Нет у меня времени стоять! Короткий подшаг вперед, левой рукой подбиваю снизу самострел, стараясь чтобы пальцы не попали под тетиву. Тугой хлопок, стрела уходит в потолок, а я уже рву самострел из рук стрелка. Заодно и тяну его вперед, на встречу с правым кулаком!

Удар не сдерживаю, бью сразу в висок. Слабо бью, само собой, но и этого хватает. А левой в это время откидываю в сторону самострел.

Хрустнуло под кулаком, стрелок начал заваливаться в сторону, головой глухо о проем ударился. Успел ухватить его и дернуть на себя. А потом уже не удержал тяжелое тело, да и

не хотел удерживать. Все равно бы силенок не хватило!

Сразу увидел у него на поясе ножны с мечом, ну и ухватился за рукоять, потянул на себя, выдернул меч из ножен, и удивительно вовремя это сделал! Сообщник убийцы уже перечеркнул дверной проем двумя косыми ударами острой стали! Прыгнул вперед, проскочил прямо над подрагивающими в агонии ногами, намереваясь закончить работу, приземлился на обе ноги, развернулся... И мягко опустился на колени! Наклонился вперед, голову поднял, на меня посмотрел, сказать что-то хотел, да не смог. Завалился на бок. С мечом в брюхе!

Что я, дожидаться буду, пока он меня на лоскуты порежет? Пока он летел да приземлялся, я ему острием в бок и ткнул! Удачно получилось, почти сам насадился. И попал хорошо, и клинок в тело, словно в масло, вошел. И вдвойне повезло, что брони у него не было...

Выдернул меч, клинок окровавленный об одежду вытер. Отшагнул от дверного проема, только тогда и заглянул в коридор. Предосторожность нелишняя! А ну как там еще кто-то из убийц прячется? Высунусь, тут меня и подловят!

Никого! Живых, в смысле, никого. А вот мертвые имеются. Один из давешних амбалов, что меня тащил, у стены скрючился, голову на грудь опустил. В тусклом свете светильника кровь на груди черной кажется.

Тут топот ног раздался! Я в сторону метнулся, с земли самострел подхватил, лежащее тело обшарил в поисках бол-

тов. Нашел, а что толку? Как его взводить? Пусть тело с каждым мгновением все лучше и лучше мне подчиняется, но знаний местных реалий не хватает просто катастрофически! Пришлось отбросить бестолковую стрелялку. Меч подхватил и приготовился к бою.

– Это что тут? – растерялся при виде мертвого напарника второй из амбалов, моих стражников. Посмотрел на распахнутую дверь в мою камеру, увидел лежащие тела, меня с мечом в руке. – Это как так? Ты всех порубил?

И потянул из ножен свою железку. А глаза кровью наливаются, это мне хорошо видно, он же прямо рядом со светильником стоит сейчас!

– Ты дурак? – опешил от нового обвинения.

– Убью! – метнулся в мою сторону здоровяк, да в запале про порог забыл, споткнулся и грохнулся со всего маху мне под ноги. И тут же получил плоской стороной меча по голове. Ну а что? Не мне же одному по ней получать?

Быстренько откинул ногой в сторону меч здоровяка, снял с одного из тел пояс. Завел амбалу руки за спину и связал. Подумал, снял еще один пояс и крепко стянул ему ноги. Вот когда в себя придет, начнет связно соображать, тогда и развяжу.

* * *

Повезло мне, что быстро управился. Очнулся здоровяк

как раз в тот момент, когда я ему ноги закончил вязать. Ох и костерил же он меня. И все пыхтел да тужился в безуспешных попытках освободиться. Когда убедился, что высвободиться не получается, только тогда и призадумался.

Я сначала обрадовался: вот сейчас конструктивный разговор начнется; да ошибся. Он снова ругать меня принялся. Замолчал только тогда, когда осознал, что я все его слова без ответа оставляю. А мне что? Пусть пар выпустит. Сообщать начнет быстрее. Так и получилось...

– Развяжи, – после короткого молчания буркнул здоровяк. – Рук не чую.

– Может, тебе еще и массажик сделать?

– Чего? – удивился амбал. – Зачем сажу делать? А-а, понял! Ты меня ею замазать хочешь? А зачем?

– Вот и я думаю: зачем? – вздохнул и поерзал.

Сажу на пороге своей тюремной камеры, а он узкий, очень неудобно. А больше тут сидеть не на чем.

Есть еще лавка короткая, но на ней убитый, и спихивать его на землю не хочу. Да и не нужно этого делать.

– Ну? – попытался оглянуться здоровяк. Не получилось у него, шея слишком мощная, не скрутить ее никак ему.

– Не нукай, не запряг. Ты мне вот что скажи: почему на меня кинулся?

– А зачем ты всех зарубил? Брата моего зарезал. А он ведь добра тебе желал! А ты его ножиком! Понял! – выкрикнул здоровяк и в порыве чувств воткнулся лбом в землю. – Это

из-за долга!

– Да какого еще долга! Ты же сам говорил, что долг у него был перед боярином, а не передо мной! Так?

– Ну так, – нехотя согласился амбал.

– Так что не я это! Не я! И потом, вы же меня заперли! Подумай, как бы я мог отсюда выйти? И ножа у меня не было!

– А кто тогда?

– А самому сообразить никак?

– А эти тут откуда взялись? Ты притащил?

– А эти, как ты говоришь, пришли за мной! Убить меня хотели! Только перед этим брата твоего зарезали...

– Зачем?

– Да потому что мешал он им свое дело сделать! Понял?

– Так это что, они его? – удивился очень здоровяк. И заворочался, задергался в новой попытке освободиться. Не вышло ничего из этой попытки. – Развяжи!

– Развяжу, если князя сюда кликнешь.

– Князя? – удивился амбал. – А зачем князя? Воевода тут нужен.

– Тогда воеводу позови.

– Позову. Только ты развяжи для начала.

Ну и как только я ему узел ослабил, так он поднатужился, освободился одним рывком и первым делом попробовал меня кулаком с ног сбить. Да только готов я был к такому повороту, извернулся и еще раз ему по голове вдарил. Куда-то еще бить бесполезно...

А потом пришлось весь разговор начинать сначала. Почему сам не пошел за воеводой? А куда мне идти? Я же за порогом сразу заблужусь... В конце концов уговорил...

* * *

Обернулся здоровяк быстро. Привел и воеводу, и с воеводой – кучу народа. Набились в коридорчик настолько тесно, что светильника вообще не видно стало. И вообще ничего не видно. Пока воевода всех новоприбывших прочь на улицу не выгнал.

– Рассказывай! – приказал мне после того, как коридорчик освободился.

Пришлось все рассказать...

– Огня сюда принесите! – рявкнул воевода.

Подождал, пока станет светлее, и еще раз распорядился:

– Да не мне в лицо, сюда вот светите. На потолок!

А в потолке болт самострельный торчит. Целиком в доску ушел, одно оперение снаружи.

– А ты, значит, их услышал? Как в коридорчике кто-то копошится? А потому и успел приготовиться? – продолжил допрос воевода.

– Ну а как их было не слышать, когда ночь на дворе и вокруг тихо?

– Ты не мне вопросы задавай, а на мои отвечай! – рассердился большой воинский начальник.

А я ведь не знаю, кто он на самом деле. Воевода или еще кто? Не видел я его до сей поры. А то, что толпа с ним прибежала, так мало ли с кем она могла прибежать? Опять же, сюда меня другой начальник определил... Уточнить или не нужно? Пожалуй, не нужно, не поймут меня. Лучше и впрямь ответить.

– Услышал шорох, насторожился, вот сюда подошел, – показал место, где стоял.

– А почему не спал?

– А кто бы в таком холоде уснул?

– В каком холоде? До тебя на холод никто не жаловался! Дальше что было?

– А дальше дверь приоткрылась, этот самострел в щель просунул, меня начал выцеливать...

– Да как он тебя мог выцеливать, если тебя там не было? – влез с вопросом здоровяк.

– А ты почему тут? Марш на улицу! Будешь нужен, покличу! – отправил амбала на свежий воздух воевода. – А ты продолжай, продолжай.

– Я и продолжаю. Самострел ему снизу подбил...

– Покажи, как дальше было. – Воевода подхватил с земли арбалет, встал с ним в проходе.

– Вот так! А потом так! – продолжил показ, в результате которого воевода полетел кувырком на лежащие тела.

– Сдурел! Ты на кого руку... – рассвирепел и тут же сдурел. Сообразил, что я его же приказ и выполнял. – Дальше!

– А дальше второй выскочил, мечом махать начал, да в темноте про порог забыл, споткнулся...

– А ты и не растерялся, использовал подвернувшийся случай.

– А кто бы не использовал? Жить-то хочется!

– А если тебе так жить хочется, то что ты на боярыню полез?

– Да не лез я ни на кого! Я отлить хотел! А куда идти, забыл! Память мне отшибло!

– А как с бабой управляться, не отшибло, значит? – съехидничал воевода.

– Да не управлялся я ни с кем. Она меня сама проводить захотела, под руку подхватила, потащила куда-то за угол. А у меня ноги не ходят...

– Еще и ноги? А с ними что?

– Так со стены спрыгнул, – развел руками в стороны. – Меня же на тот помост какие-то мужики принесли, я сам ходить не мог!

– Это я уже знаю, можешь дальше не рассказывать. Значит, ходить ты нормально не мог, а боярыня тебя сама куда-то потащила. Так?

– Так, – согласился.

– А платье зачем изорвал?

– Не рвал я ничего! Целое оно было! А потом меня по голове ударили! И очнулся среди толпы от удара. Да вы эту боярыню спросите, так оно было или нет!

– Мы бы спросили, да нету ее нигде. А видаки говорят...

– Так у меня тоже видаки есть! – перебил воеводу. – Там же на помосте много кто проснулся. Еще советовали мне, в какую сторону идти лучше. И Вран там же был!

– Вран? Так Вран тебя с боярыни и снял!

– Подстава это! Не было ничего! Да и не мог я с ней что-то сделать, потому что сил не было. И сотрясение еще у меня!

– Что за подстава? Впрочем, понимаю, что ты сказать мне хочешь. Может быть, это и так. Твой род с их родом испокон веков не ладят. А тут все родичи твои в Великий Новгород уехали, ты один остался. Да по голове получил, память потерял. Почему бы не обвинить тебя в нападении и не завладеть всем имуществом? А?

– Уехали? – Последние события встали на свои места, и почти все происходящее со мной становится понятно. Скорее бы в местные реалии врать, а то живу, словно по минному полю хожу. Да еще и не знаю никого! – Я один остался? Как же так?

– А так! Ты сразу уперся, с облыжным обвинением не согласился, вот к тебе татей и подослали. Кто это, не разглядел?

– А толку? Я же ничего не помню! И никого!

– Что? И вправду ничего не помнишь? И меня?

– И вправду ничего, – понурил голову. – И тебя не помню.

– То-то Данила все удивлялся, что ты с ним как с чужим разговариваешь. А ведь вы с младых лет неразлучной троицей были. Была троица, осталось вас двое... – оглянулся во-

евода на убитого в коридоре амбала. – Не припомнил?

– Нет, – покачал головой. Надо же как, троица неразлучных... Была... То-то они со мной так бережно обращались...

Переждал приступ головокружения, подышал сиплю. Простываю, похоже.

– Ты уж не обессудь, но придется тебе до утра здесь посидеть. Все целее будешь.

Тут я хмыкнул. Будешь, как же!

– Посидишь, посидишь, ничего с тобой больше не случится. Охрану снаружи поставлю. И пришлю тебе какую-никакую одежонку. Все теплее станет, раз ты так мерзнешь. А я к князю пойду...

В конце крохотного коридорчика воевода остановился, оглянулся:

– Очень уж складно у тебя все выходит... И словеса так красиво складываешь, прямо один к одному. Васька так не мог, пока по голове не получил... Может, и впрямь вас, дурней, почаще бить нужно?

* * *

Судили меня по Правде. Народищу на вечевой площади собралось жуть как много. А у меня голова болит, за ночь так и не успокоилась. Из-за этого я и глаз не сомкнул. Ну и еще по одной причине не спал: Данила мне всю плешь распросами прогрыз. Правда, и польза от него немалая была.

Рассказал, что нападение город отбил, враг ушел несолоно хлебавши!

На мое удивление таким коротким штурмом ответил:

– Это ты забыл просто! Они же под городскими стенами три седмицы стояли! Посады все пожгли, монастырь на той стороне разорили! А ведь его только-только после прошлой осады отстроили!

Обсудили и ночное нападение на меня. Убийство брата Данилы обходили стороной, старались не касаться этой болезненной темы.

Да, оружие с убитых, вся их одежонка мне в качестве трофеев перешла. Не сейчас, потом, после суда обещали все передать.

И про сам суд нечего рассказывать, слишком все это для меня новым было. Я сначала сильно приуныл – меня же во всем обвинили, наказание в сорок гривен назначили. А это очень большие деньги здесь, как я сразу понял по наступившему на площади молчанию. Да еще кто-то из женщин так сдавленно охнул при вынесении приговора...

Вот только потом князь говорить продолжил, не остановился на первом приговоре. И дальше все было очень интересно. Оказывается, они успели за оставшуюся ночь поймать и допросить всех участников сговора. И Алена здесь же показания давала, и мужики, что вместе со мной на помосте лежали и ценные советы давали. Врана тоже допрашивали. Он мне за Алену мстил. Решил с какого-то перепугу, что я

на нее глаз положил. Невдомек ему было, что мне просто память отшибло! А Стефа на это внимание обратила и решила в своих целях парня использовать. В общем, тут все один к одному сошлось. Да еще и отъезд моих родичей... Тоже мне родичи! Нашли время, когда уехать!

В общем, оправдали меня в конце разбирательства по всем пунктам. И ранее предъявленное обвинение тоже сняли. Удалось отделаться одним испугом. Плохо то, что не получилось разжиться за все свои страдания хоть каким-нибудь чужим добром в виде виры за облыжное обвинение, за напраслину. Ну а что? Я же вроде бы как пострадавший? Мне же хоть какая-то компенсация за страдания положена? Или нет? Нет! Все ушло в казну...

А боярин, муж Стефы, отделался испугом и небольшими, по моему мнению, которого никто не удосужился спросить, тратами. Откупился за жену, и на этом разбирательство закончилось. Ну а тати, что по мою душу в темницу пришли, они... А кто их знает, что это за людишки, откуда взялись и чьих они будут! Не наши они, и даже не из нашего города...

Глава 3

Народ после разбирательств никуда с площади расходиться не собирался, топтался, гудел довольной многоголосицей. Внесли свою лепту в этот шум и лоточники, шныряли юрко среди людей, кричали звонко, предлагая разнообразный товар. Одурающе вкусно запахло вдруг пирогами и горячим сбитнем, и запахи эти просто сбивали с ног. Протолкался через толпу, глотая слюну, отмахиваясь от уличных торговцев. А те так и норовили соблазнить покупкой, подсовывали под нос свой пахучий товар. Да я бы и купил, но денег нет вообще! Потому и шарахался. А пока пробирался через толпу, несколько раз получил по спине – так кто-то из моих сверстников выражал мне свое горячее одобрение.

И что дальше? Подумал, подумал да и пошел в темницу. Ну а куда еще идти? Кроме как в порубе я здесь больше нигде и не был, не знаю ничего. Вообще! Это в первый день на меня мало кто внимание обращал, там всем не до наблюдений было, но сейчас! Сейчас мое имя у всех на слуху! Где бы я ни появился, куда бы ни направился, везде вижу любопытные взгляды и слышу шепоток. Так что ходить сейчас по городским улицам и любопытствовать не нужно, не поймут горожане. Мне бы домой, в родные для этого тела стены, да знать бы, где он, этот дом?

Да, вещички свои нужно бы забрать! Сначала, правда,

найти их. Кто-то ведь снял у меня с пояса меч и нож, от кольчужки освободил, вот и попробую их вернуть. Помню же, что все мое добро так и осталось лежать на том помосте, когда мне по нужде ночью приспичило. Есть надежда, что они где-нибудь там находятся. Хотя вряд ли. Так думаю, что их тогда же и прибрало начальство. В какую-нибудь кладовую в том порубе и положили мое имущество. Оттуда и начну поиски. Есть же у этой темницы хоть какой-нибудь начальник?

До местной тюрьмы добрался быстро. Охраны на входе как не было раньше, так и не появилось сейчас. Отворил дверь, шагнул за порог... А там – Данила... Сидит на той самой скамейке, на которой его брата зарезали, спиной на каменную стену откинулся, и глаза закрытые! Первая мысль – не дышит!

И только когда я вперед бросился, когда прыжком через порог перескочил, когда подошвами сапог топнул, тогда парень и очнулся, голову вскинул и в мою сторону повернул. А я притормозил, на душе так легко-легко стало. Живой! Подошел, на ту же скамью уселся, молчу. А что тут говорить? И так все ясно.

Тут меня и нашел гонец. Заглянул, покашлял, привлек к себе внимание. Как будто мы его не заметили! Он же в проеме встал, свет нам загородил.

– Зовут тебя... – Подходить ближе не стал, так с улицы и поманил меня наружу.

Наглость какая! С трудом удержался от резкого ответа.

– Так пусть сюда идут, тут и поговорим, – отказался я выходить.

Слишком свежи в памяти ночные приключения! Да и вся эта непонятная ситуация вокруг меня сильно напрягает. Пока не разберусь и не пойму, кто и чем мне угрожает, буду осторожничать. Шанс на жизнь у меня последний, другого не будет, это я крепко запомнил!

– Ты не дуркуй, а поспеши! Сам посадник тебя видеть желает! – гордо выпятил тощую курячую грудку гонец.

– Данила, – толкнул парня в плечо, – а это точно от посадника гонец? Не похож он что-то на служивого. Или еще какие-нибудь разбойнички что удумали?

– Да видел я его на подворье. – Вынырнув из тягостных размышлений, парень мельком глянул на гонца. Развернулся всем телом в мою сторону: – Вась, а как я теперь без брата буду?

– А со мной пойдешь! – поднялся я на ноги. – Я тебе его замену! Пошли!

– Как заменишь? Куда пошли? – удивился моим словам Данила, но тормозить и раздумывать не стал, тут же на ноги поднялся.

Ох и здоровый же он! Выше меня нынешнего на голову будет.

– Сначала – к посаднику! Узнаем, зачем кличет, а потом ко мне домой пойдём...

Сам вызов не обеспокоил, скорее вдохновил. Появилась

возможность пройтись по улицам, осмотреться, да и согласие Данилы внушило оптимизм. Теперь не буду тыкаться носом во все неизвестное, словно слепой щенок.

* * *

У посадника надолго меня не задержали. И разговор с ним вышел коротким, но примечательным, проливающим свет на мое нынешнее положение. Удивлялся отсутствию родичей? Теперь не удивляюсь! Просветили меня на этот счет. Еще как просветили! Были у меня родители, были да сплыли. Нет их больше. А все почему? Расколосось боярство псковское на два лагеря. Одна сторона продолжала крепко держаться за Новгород, а другая стремилась к независимости Пскова и самоуправлению. И победила в конце концов.

А мои родители зачем-то именно в этот момент и уехали – может быть, спасаясь от тут же последовавшей и вполне закономерной опалы со стороны победившей фракции? Слух прошел, что не доехали они до Новгорода, сгинули где-то по дороге. Почему только меня оставили, с собой не забрали – вот в чем вопрос. И ответа на него мне никто не собирался давать. Посадник лишь уведомил, что имущество наследуемое, которое я так и не успел ни увидеть, ни пощупать, отходит в казну... Оставляют мне милостью князя и общим решением боярского собрания дом мой родительский, и на этом все. Ах да, звания боярского не лишают! Вот за это спа-

сибо...

А на что я дальше жить буду, если все остальное отобрали? Деревеньки, наделы и лавки... Перечисление всего того, чего я лишился, у дьяка заняло довольно много времени! Богатый у нас род был. Был, да сплыл...

— Князя нашего за оказанную милость благодари! По душе ему пришлось, как ты на стене себя во время осады показал. Если бы не его заступничество, то мы бы все ваше каиново семя из города выпроводили. И тебя тоже! — уже в самом конце благодетельствовал меня посадник.

Вышел на крыльцо, дверь за спиной бухнула, лязгнула железными засовами. Царапнуло меня объяснение произошедшего. Не сходится одно действие с другим, последовательность не бьется. Сгинули где-то? Но слух сразу прошел? Ладно, освоюсь и буду разбираться. Осторожно, чтобы тоже голову не сложить. Кстати, а зачем это князю за меня заступаться понадобилось? Интересно-то как становится...

Тепло в посадничьих палатах, но сурово. И посадник такой... Соответствующий занимаемой должности. И тоже суровый. Благословил напоследок разъяснением, так сказать. Дружинники караулом на входе-выходе стоят, копьями острыми потолок подпирают. Спустился по лестнице с высокими ступенями, кивнул поджидающему внизу Даниле, помянул за собой.

— Ну что? — как только завернули за угол, не вытерпел парень.

- А ничего! – цыкнул зубом. – Жить буду, и на этом все. Звание боярское оставили, а вот все остальное отобрали!
- Все?! – ахнул парень. – Вот так прямо все? И дом?
- Нет, дом оставили. Туда ты меня сейчас и отведешь!
- Чегой-то я отведу? А сам что, безногий?
- А сам я ничего не помню! – отрезал. И показал на свою перемотанную голову. – Забыл, что ли?
- Забыл, – сокрушенно вздохнул Данила. – Тогда пошли. А боярин с боярыней как теперь будут?
- А нет больше ни боярыни, ни боярина...
- Убили... – вздохнул понимающе Данила. И тут же прикусил язык, глянул искоса, заметил ли я его странную реакцию на горестное известие.
- Пока не знаю. Посадник только сказал, что нет их больше. Наверное, убили. Имущество все ушло в казну, мне дом только и оставили...
- Ну хоть дом оставили, и то хорошо!
- И звание боярское еще... Но с ним не знаю, хорошо это или плохо.
- Так что здесь плохого-то?
- А спрашивать с меня будут по-прежнему! А у меня за душой ничего нет!
- Да ладно, проживешь как-нибудь, – постарался подбодрить меня парень. Но как-то чисто символически постарался, без особой веры в свои собственные слова.
- Как-нибудь проживу, – эхом откликнулся я. И остано-

вился, развернулся к парню лицом. — А ты откуда знаешь, что моих убили? Я же только сказал, что их нет!

— Откуда? — смутился Данила, опустил голову, чтобы не встречаться со мной глазами. — Так об этом все знают. Намедни на площади кричали, как раз когда осада началась...

— Да? А почему мне не сказал о том? Не напомнил?

— Тревожить не хотел, — тяжело вздохнул парень. — Я думал, ты знаешь. Да и потом...

— А потом меня бы вслед за родителями изгнали из города, и что-то говорить вообще не надо было бы! Так? — сообразил я.

— Так... — согласился бедолага. И пробормотал: — Пойду я...

— Куда ты пойдешь? А кто меня до дома проводит? Или и тут решил бросить?

— Нет, ты что! Доведу! — вскинулся Данила. И остался стоять на месте. Только с ноги на ногу переступил, и на этом все.

— Ну так веди, что топчешься!

И мы пошли... И пока шли, думал я, как дальше жить стану. Выживу ли в одиночку в незнакомом совсем городе, среди чужих людей? Ну а что? Ведь на самом деле все именно так и обстоит. Ничего и никого я здесь не знаю. И, что хуже всего, я реалий не знаю, законов и правил! Да и плевать! Выкручусь!

А ведь и в самом деле проживу, отчетливо понял в этот момент. Есть где жить, осмотрюсь-обвыкнусь, а там что-ни-

будь да придумаю! На попе ровно сидеть никак нельзя. Уже сообразил, что если хочу чего-то добиться, то нужно буквально из шкуры выпрыгнуть! Наверняка ведь за мой бой на стене и полученные тогда раны и обратил на меня внимание князь. Чем-то я его зацепил. Уже и самому интересно стало, что я такого особенного умудрился в том бою проделать...

Доберемся до дома, обязательно нужно будет Данилу обо всем подробно расспросить. И пусть пока вообще у меня поживет. Идти, как я понял, домой ему не хочется, там все будет о брате напоминать. Родных у него тоже больше никого нет, так что пусть лучше со мной будет. И ему веселее, и мне источник информации.

Что же касается князя... С какой-то же целью он замолвил за меня слово перед боярским собранием? Тем самым помиловал, считай. И к себе милостью этой своей крепко привязал. И теперь я ему вроде бы как обязан...

* * *

Как только закрылась за бояричем дверь, посадник сразу же и засобирался. Остановил нетерпеливым движением руки подскочившего на ноги писца, кивнул ему на ворох свитков на столе:

– А ты куда собрался? Работы мало?

Погрозил ему пальцем, нахмурился, зыркнул грозно... У дверей в струнку вытянулись караульные! И быстро вышел

на крыльцо.

По ступеням спускался уже неторопливо, степенно и важно. И до княжеских палат так же неторопливо и шел. Да не шел, а шествовал, не обращая никакого внимания на снующих туда-сюда простых людей.

И поднимался в палаты так же неторопливо, несколько раз останавливаясь на крутом подъеме и шумно отдуваясь для важности перед редкими в эту пору и в этом месте встречаемыми горожанами и дружинниками.

– Напугал? – спросил князь, выслушав короткий доклад посадника.

– Нет, – после короткого раздумья ответил князю посадник. – Ему все равно было, что там с его родителями произошло. И потеря вотчин не огорчила особо, как и потеря вообще всего добра. Выслушал, и ни одна жилка на лице не дрогнула. Смотрел только все время прямо в глаза, даже не поклонился ни разу, семя крапивное! Молодой, а уже борзый! Может быть... – Посадник замолчал, словно сомневался, стоит ли говорить дальше. А на самом деле просто ждал княжеской реакции на недосказанное. Потому что общий смысл и так был понятен. И от того, как князь сейчас прореагирует, можно будет фразу, и не только фразу, но и дело, или закончить, или перевести на что-нибудь другое. На что? Есть, есть придумки.

– Ты договаривай, что примолк?

Тихий голос князя заставил посадника передернуть пле-

чами. И теплый просторный кафтан враз стал тесным и узким. И еще немилосердно начал натирать шею. Вроде не злится? Ох, не ошибиться бы!

– Может быть, лучше его... того... Пока в силу не вошел?

– Нельзя! – вздохнул князь. – И так уже шепчутся, что неугодных убираю, имущество все в казну уходит!

– Так в казну же! – не понял посадник. – Не себе же!

– Что? Прямо-таки все-все в казну? – прищурился князь. – И к рукам ничего не прилипло?

– Самую малость если только, – не стал отказываться от очевидного посадник. Задумался и выдохнул: – А если все-таки мстить надумает?

– Мстить? Нам? А за что? – откровенно усмехнулся князь. – Мы тут совсем ни при чем! Уезжать из города их никто не принуждал. И не мы его родичей живота лишили.

– Да кто знает, что ему в голову прийти может! Говорят, что после ранения сам на себя не похож! И вроде бы как память напрочь отшибло!

– Это правда? – Князь даже привстал в кресле от такой новости. Спихватился, уселся, выпрямил спину. – Если память и впрямь потерял, то это хорошо. А чтобы в пустую голову ничего дурного не пришло, нужно его к себе приблизить, прикормить. Будет рядом, сможем все время за ним приглядывать. У тебя же найдутся верные люди?

– Да люди-то найдутся... – протянул посадник. – Не понимаю скудным своим умишком: зачем тебе это нужно? Кто

он сейчас? Да никто!

– Это ты так думаешь! – отвернулся князь. Поднялся на ноги, тихонько подошел к двери, остановился, прислушался и так же тихо вернулся назад. На окошко покосился, вздохнул. – А народ думает по-другому. Ты же видел, как они все на судилище за его судьбу стояли. Не помиловал бы я его, не миновать бы нам бунта. Ударили бы в колокол! Его предки сколько лет город обороняли? В тяжелые времена они город сколько раз кормили? Бескорыстно причем! Припоминаешь? То-то! И народ это тоже хорошо помнит! Опять же, как ни крути, а он – боярич, последний в роду защитников!

– Да этот самый народ его и хотел в порубе ночью убить! – Посадник дернул уголок рта и тут же склонился в коротком поклоне. – Прости, князь, за дерзость!

– Один купеческий сынок-выродок – это еще не весь народ! – Князь вернулся в кресло, откинулся на спинку, глянул пристально, словно в душу посаднику заглянул. – Ты же сам мне все подробности докладывал! Или что-то утаил?

– Да разве я бы осмелился! Этот дурень Вран из-за девки все затеял... – склонился в поклоне посадник, только чтобы от пронзительного взгляда укрыться. – Только вот не учел, паршивец, что девке той он совсем не по сердцу пришелся!

– Не учел, говоришь? Или кто-то за него не все додумал? – прищурился князь. – Ладно, не мнись. С этим ты без меня разберешься. И этой, Стефе своей, передай, чтобы к Василию и близко не подходила! Ты меня понял?

– Передам! – еще раз склонился в поклоне посадник. Только в этот раз не голову склонил, а в поясе переломился. – Как есть все передам!

– Хорошо. А ты думай, как боярича окрутишь!

– А что тут думать, все и так понятно. Только не мне его нужно к себе приближать, а тебе, княже! В дружину бы его определить!

– В дружину... Зачем?

– Пусть тебе послужит, себя покажет. Всегда на людях будет, на виду. Присмотримся и поймем, за кого встанет, случись что! Если за тебя, то пусть живет, а если против, то... – И понятным жестом провел ребром ладони по горлу. – И наронец как раз поуспокоится, забудет произошедшее.

– А если не согласится служить?

– А куда ему деваться? Жить ему сейчас не на что! – усмехнулся посадник. – А он – боярич! Отказывать себе ни в чем не привык.

– Так ты что, из дома вообще все выгреб? – удивился князь.

– Ну-у... Оставил кое-что... – заюлил взглядом посадник.

– Смотри, доиграешься когда-нибудь! – пригрозил князь. Покосился на хитрую лисью улыбочку. – Припомнить могут...

– Поэтому и предлагаю прямо сейчас удавить мерзавца!

– Опять ты за свое! Видать, слишком много чужого добра захапал, коли так торопишься от наследника избавиться! –

нахмурился князь. — Успеешь еще! Пока пусть живет! В дружину, говоришь? Ну смотри, ты сам мне это присоветовал!

* * *

Идти оказалось недолго. Сразу за церковью свернули в сторону реки и буквально на набережной оказались перед домом. Что сказать? В отличном месте мои родичи устроились. Красота! Одни только резные ворота сразу впечатляют.

А войти просто так не вышло. Потянул на себя калитку, распахнул на всю ширь и тут же отшагнул назад, вместо того чтобы на подворье ступить! Пара копейных наконечников почти в грудь ткнулись. На вершок не дотянулись. Или держали их, чтобы и впрямь не поранить.

— Кто таков? — За сверкающими наконечниками копий не сразу разглядел их хозяев. А там еще пара воинов в кожаных куртках и таких же кожаных шлемах-шапках с острым верхом.

— Боярич Липный! — И стою, напрягся на всякий случай, готов в сторону отпрыгнуть. Сначала за воротинной укрыться, а там видно будет, что дальше делать, как схватку вести.

Не понадобилось. Да и мою хитрость сразу распознали эти два воина. Ишь как ухмыльнулись глазами. Хорошо хоть только глазами, а то бы... А что «то бы»? Теперь за мной никого. Только я сам. А сам я сейчас без меча и ножа... Нет, стою, конечно, что-то, но сомневаюсь, что смогу с двумя одо-

спешенными и вооруженными воинами справиться. Был бы здесь кто-то один, то другое дело. Я прикинул, как бы действовал в подобном случае. И воины прочитали что-то этакое у меня на лице, потому что тут же перестали ухмыляться, подобрались... И убрали свои копья!

– Проходи, раз боярич. – Отступили в сторону, освободили проход. – Мы тут за порядком присматриваем. Мало ли...

«Да-а, за порядком можно было и не присматривать!» – подумал, глядя на пустые комнаты, на летающий по воздуху редкий пух в спальнях, на рассыпанные по полу осколки битой керамической посуды в столовой и на кухне.

Это все, что осталось от бывшего имущества. И из дворни – никого. Все разбежались, как только про гибель родителей прознали. Еще и посадничьи людишки этому поспособствовали, когда пришли имущество описывать да изымать. Выгребли все, даже мебель успели до моего возвращения вынести. Осталась пустая коробка дома с голыми стенами, окна без занавесочек да кое-какое ношеное барахлишко в похожей на кладовую или гардеробную небольшой комнатке без окошек. На которое даже у посадничьих глаз не лег. Даже нормальной посуды не осталось! Только битая да выщербленная, на которую никто не позарился!

Откуда я это все узнал? Так нашлись добрые люди по соседству, рассказали, как тут дело было. Заглянули в гости, как только поняли, что хозяева в доме объявились.

Только кажется мне почему-то, что заглянули не просто

так, а с целью выяснить мои дальнейшие планы, разузнать, что я намереваюсь делать и как жить собираюсь. Очень уж настойчиво они свои вопросы задавали, выпрашивали и расспрашивали. Пока я всех прочь не выпроводил, покоя не давали!

Выпроводил, вздохнул, на появившегося Данилу глянул. А он-то где умудрялся все это время прятаться? И еще одно: если соседи так быстро объявились, то и дворня должна скоро вернуться. А нужна ли она мне? Не знаю...

Стою посреди большой комнаты на втором этаже дома, в окно смотрю. Вид на реку из окна зашибенный! На противоположной стороне чуть выше по берегу знакомые стены Мирожского монастыря поднимаются, свежим тесом желтеют. Их сейчас заново отстраивают после недавнего набега. И справа от него тоже какие-то стены виднеются, только гораздо ниже по течению. Вроде еще один монастырь. И дома, дома... Дымят трубами. Много их умудрилось уцелеть на той стороне.

Опять же, кораблики разновеликие то вверх, то вниз по течению все время шныряют, людишки на них веслами машут или разноцветные паруса опускают-поднимают. Правда, разноцветных парусов на самом деле мало, в основном серые все они, даже какие-то с виду мятые.

Несколько дней из дома на улицу вообще не выходил. Нужно было отлежаться, чтобы окончательно залечить раны. Заживало на мне как на собаке, всем на удивление. Ну

и требовалось впитать в себя информацию, для получения которой я бессовестно использовал Данилу. Парень теперь безотлучно находился при мне, ни на шаг не отходил. Подозреваю, что так ему самому было легче. Решил он, что я ему отныне кем-то вроде убитого брата буду. А я и не против, если откровенно говорить. Вон он какой здоровый!

Зато разобрался с остатками наследства. Да и разбираться особо не с чем было, к моему большому сожалению и одновременно к огромному облегчению. Иначе бы точно на незнании элементарного спалился. И на провалы в памяти тут не сошлешься!

И спать нам с Данилой приходилось на деревянном полу, на старых изношенных шубейках. Одну ночь так проспали. Вторую уже нормально провели. Не выдержал такого издевательства парень, убежал с утра к себе домой и скоро вернулся. И вернулся не один, а с компанией грузчиков-помощников. Перевез кое-какую мебель, бельишко постельное, посуду и прочее. Даже продуктов притащил. И все на свои деньги! У меня ведь ничего нет, ни копейки за душой не осталось!

А потом пришли за мной дружинники и в очередной раз повели в Кром... Нет, на этот раз не к посаднику на прием, а к старшему дружины, где и предложили княжескую службу. Согласился без раздумий.

Да и по душе мне была такая служба. Другого пути выбраться из той ямы, в которую меня закинуло, я не видел.

Глава 4

Оказалось, не все так просто, как я думал по простоте своей души. Это прежний хозяин моего нынешнего тела был вроде бы как хорошо подготовлен и неплохо владел не только мечом, но и другими колюще-режущими железяками. Он – да, а я, увы, нет!

Тут я чертыхнулся, снова упомянув нецензурным словом ту самую свою простоту. Мышечная память, говорите? Да какая, к чертям, мышечная память, если в голове пусто, как в вылизанной изнутри до блеска консервной банке!

Чтобы мышцы грамотно работали с железом, им правильную установку нужно дать! Из головы дать, между прочим, из мозга, так сказать, послать какие-то там управляющие импульсы. Если они, конечно, есть! Или он? Это я про мозг сейчас. Ну и про импульсы тоже, тут же согласился сам с собой.

Короче! Откуда я ее возьму, эту установку, если только и знаю, с какой именно стороны за меч держаться? Да и это, увы, не показатель, а просто понимание... Так что вступительные экзамены в дружину я позорно провалил. И в показушной схватке без оружия – тоже... Не помогли ни наработанные еще в той жизни навыки по рукопашке и борьбе, ни возросшие уже здесь сила и ловкость. Голова все отлично соображает, и ранение тому не помеха. Вижу как и, самое главное, что именно нужно с противником сделать, чтобы

его уронить, а мышцы тупо тормозят, морозятся, не успевают вовремя отреагировать! И потому проигрываю местному бойцу с разгромным счетом три – ноль. Счет мог бы расти и дальше в его пользу, но проверку быстро остановили. Не стали надо мной издеваться...

Хорошо, не так много народа увидело мой позор, хоть в чем-то повезло. Но не ободряюсь, ибо уверен, что слухи о моем бесславии здесь очень быстро разнесутся. А как иначе? Телевизора с интернетом, увы, нет. Одно развлечение – языками почесать!

Повезло, что принимал меня в дружинники не сам воевода, как должно было быть согласно моему боярскому званию, а старший дружинник, сотник. Даже не тысячник. Да и откуда у нас тысячник возьмется? Нет у нас в городе столько воинов, это я уже знаю. Ополчение тут не в счет.

Но это я сам перед собой оправдываюсь, чтобы не так стыдно было за свои корявые руки и заплетающиеся друг за друга ноги. А говорить что-то вслух и оправдываться... Кого и когда это интересовало?

Опять же, попробуй только начать оправдываться, и сразу получится умаление собственного достоинства и урон чести! Понимание этого тут же всплыло из глубин сознания. Прежний хозяин наверняка отметил. Так что пришлось молчать, пыхтеть и утираться, утираться... И упрямо подниматься при каждом падении наземь!

Но стоит отдать дружинникам должное. В голос и тем бо-

лее открыто надо мной никто не насмехался. Кто-то из них обмолвился, тут все знали про мою потерю памяти и ранение. Опять же, в бою на стене во время осады отличился. Значит, что-то да умею!

А дальше было все просто.

– Маркел, проверь новичка! – скомандовал сотник.

И выбрал для меня проверяющего из числа сидящих на лавочке дружинников. А я ожидаемо напрягся, потому что до последнего надеялся, что проверять меня будет кто-то из тех дружинников, что на площадке разминались. Там молодежь моего нынешнего возраста пыхтит, и есть хоть какой-то шанс выкрутиться за счет своих прежних умений. А тут сразу понял, что все, нет у меня ни одного шанса против любого из этих матерых воинов, лениво просиживающих штаны под горячим солнышком. Понял – и подобрался. Постараюсь хоть что-то показать...

Ожидал, что проверять меня будут на учебных деревяшках, да ошибся. Маркел лениво поднялся, потянулся, словно сытый кот, и в несколько быстрых шагов оказался прямо напротив меня. И никаких особых площадок, никаких тренировочных деревяшек, все по-взрослому! Пришлось и свой меч обнажать.

Руки подрагивают, мышцы от хлынувшего потоком адреналина чуть ли не судорогой сводит, на месте устоять спокойно не могу, так шибает в голову. Вокруг народ столпился, кольцо замкнулось, круг обозначился. Я в своей тканой

одежке, узорами изукрашенной и вышивкой разноцветной, а напротив мало того что опытный воин стоит, так он, в отличие от меня, в кольчужке. И не то чтобы страшно, – понимаю, что убивать и резать меня никто не будет, – но кишки в животе морозцем придавило. Да и ладно! Железо или деревяшка, страшно или не страшно, а взял в руки меч, встал в круг – бейся!

– Бой! – словно через вату услышал команду сотника.

Новая волна адреналина хлынула в кровь, заломило виски, зажгло огнем рану, потемнело в глазах, забухало в груди сердце... Ну что? Погнали! Оглянулся по сторонам, провернул по-киношному меч в руке... И не успел ничего сообразить, моргнуть не успел, меч не успел оборот завершить, а я уже оказался распластанным на земле... Что-то я не понял, каким это образом так быстро меня отдохнуть пристроили?

Отлеживаться не стал, еще чего не хватало! Подскочил, благо и шуметь в голове меньше стало, подействовало первое поражение, заставило сосредоточиться полностью на бое. Шум сторонний? Уже и не слышу ничего! Оглядываться тоже не оглядываюсь и, наученный горьким опытом, даже не моргаю! А всего-то и нужно было для лучшего понимания разок по хребту огрести.

А противник – вот он, прямо передо мной стоит! Лицо спокойное, безмятежное даже. Глаза холодные, словно пустые. А, нет, улыбается слегка краем губ. Заманивает! Нападать сразу не стал, слишком свежо еще воспоминание о

быстром падении. Но и на месте стоять не остался, пошел осторожно по кругу, выставив вперед клинок.

Росчерк стали, выскерк молнии, и мою руку с зажатым в ней мечом сильный удар отбрасывает в сторону! Не успеваю перенести вес тела на правую ногу, как носок чужой ноги цепляет меня за голеностоп и подкидывает ногу вверх!

А ведь я ждал этого приема, поэтому и успел отреагировать, опередить чужое движение! Потому и ноги не скрещивал при передвижении, почти приставными шажками шел! Приподнял пятку в попытке освободиться, но все зря – очень уж я медленно двигаюсь по сравнению с соперником! Противник во мгновение ока плавным скользящим движением перемещается мне за спину... Трещат мышцы в жалкой попытке развернуться вслед за ним... Не успеваю!

Сжимаю зубы в попытке удержать в себе сдавленный стон от сильного и очень болезненного пинка в голень и через боль продолжаю разворачиваться! Одновременно отмахиваюсь наугад мечом, и тут же левая нога подламывается в колене от еще одного удара! Утыкаюсь этим коленом в утоптаный грунт площадки, рукавом рубахи смахиваю выступившие на глазах слезы и уже не обращаю никакого внимания на очередной удар по руке с крепко зажатым в ней мечом. Сдохну, но клинок ни за что не выпущу!

Рывок за воротник, и я валюсь навзничь. Успеваю чудом извернуться в воздухе, выкрутиться из захвата и упасть на бок, а не на спину, перекатиться через голову и вскочить на

ноги. Ух ты! Пляшет перед лицом жало чужого меча, полированное железо колет глаза солнечными зайчиками, слепит, заставляет щуриться. Сливаются в одну сплошную белую полосу лица выстроившихся плотным кругом дружинников.

И что?!. Никто здесь не собирается меня убивать. Это я точно знаю! Чувствую! И красоваться мне не нужно, как моему противнику! Для него это просто очередная игра с зеленым новичком, а для меня – единственный шанс на достойную жизнь! Поэтому и умудряюсь отбить встречный ленивый удар в сторону и вверх и тут же вытягиваюсь в стремительной ответной атаке, наношу быстрый прямой удар!

Это мне казалось, что быстрый, но противник успевает отреагировать и развернуться боком! Даже не отступает, не отшатывается, а просто разворачивается корпусом! И мой меч проходит в считанных миллиметрах от закованного в плетеное железо живота соперника! Взвизгивает жалобно кольчужное полотно, это я проваливаюсь в выпаде, но в возвратном движении руки все-таки умудряюсь легонько черкнуть лезвием по корпусу!

Маркел пропускает мой клинок и резко бьет по предплечью яблоком рукояти в попытке лишить меня оружия. Гад! Я же без доспеха! Так можно руку на раз сломать!

Сильный и болезненный удар заставляет просесть в коленях, споткнуться... Но меч не выпускаю! Вцепился так крепко, что его теперь только вместе с кистью можно у меня отобрать!

А по пояснице обидно шлепает чужое железо... Хорошо хоть не по заднице! Спасибо Маркелу, пощадил остатки боярского достоинства! Но руку я тебе не забуду! Удар был сильным и очень болезненным.

И все это действие происходит в полной тишине. Слышны только скрип песка под ногами, мое громкое пыхтение и свистящий лязг скользящего металла. Ну и завершающий стычку шлепок в этой тишине явно все расслышали... И увидели...

Опять проиграл! Пусть и зацепил его немного. Но обиды нет, есть только сожаление о такой своей неумелости.

Мальчишки в отдалении поглядывали с любопытством, даже погломонили чуток, явно обсуждая между собой мою первую оплошность в бою, пока кто-то из старших дружинников на них не рыкнул. Тогда у всех сразу дело нашлось, и больше в мою сторону ни одного любопытного взгляда с той стороны я не заметил.

– Закончили! – остановил избиение младенца сотник.

Наградой мне были одобрительная улыбка Маркела и пара фраз на прощанье:

– А ты хорошо держался, даже умудрился меня зацепить. Меч так и не выпустил из руки. Ты первый, кому это удалось после такого удара. И зла на меня не держи, вижу же, что морщишься. Бил бы в полную силу, так кости бы тебе переломал...

Так что не все оказалось настолько плохо. А постыдный

провал в воинских умениях списали на ранение головы и последующую за ним потерю памяти. Как сказал мне тот же сотник при подведении итогов проверки:

– Сколько раз убеждаюсь, что башку под чужой топор лучше не подставлять... Топор – он, в отличие от головы, железный! У тебя руки отдельно от головы существуют! Кое-какие приемы вроде бы как и знаешь, пыжишься вспомнить и провести, а выполнить не можешь. Не хватает ни силы, ни ловкости. Но ничего, было бы желание, а воинские навыки и без памяти можно восстановить!

Посмотрел на меня сотник и тяжело вздохнул. Задумался на секунду, еще разок вздохнул тяжело и шумно, почесал затылок и выдал:

– Вот только возраст у тебя для этого немного неподходящий...

А возраст мой тут при чем? Наоборот, как я понимаю, в дружину только взрослых берут? Или нет? Оказалось, не только взрослых... Потому что сотник тут же и объяснил доходчиво, что с такими умениями мне в данный момент самое место побыть какое-то время в отроках, в «детях». В детской части дружины то есть. Пока не вспомню, с какой стороны нужно за меч хвататься. Вон оно как...

Там бы всему и обучили, с нуля, так сказать. А теперь? Во взрослом теле? Кто меня туда определит в таком-то возрасте? Кто на себя такую ответственность возьмет?

Слушаю и малость одуреваю: где я, а где дети! Смотрю ту-

да, где эти дети занимаются под руководством старшего наставника, и что-то точно недопонимаю. Хотя они все ребята, на первый взгляд, вроде бы как и здоровые, и обучаются ратному труду с малых лет, но все-таки мои габариты и нынешний вес явно и близко несопоставимы с ребячьими. Я же и зашибить нечаянно кого-нибудь из них на тренировке могу. Пусть умения у меня напрочь в данный момент отсутствуют, но силушка никуда не делась! И ударить могу, как я уже успел убедиться, очень сильно! Поэтому, случись что, никакие наработанные воинские навыки никого из этих отроков не спасут!

А еще после такого в городе можно вообще не появляться! Так что все разговоры про младшую дружину нужно сразу и окончательно выбросить из головы! И как тогда быть?

Похоже, сотник думает точно так же, иначе не вздыхал бы столь тяжело и не косился на меня с явным сомнением во взгляде. По всему выходит, что и в «детях» мне, переростку, делать нечего. И сотник эту мою мысль тут же подтверждает.

– Сам посуди. В старшую дружину тебя принять не могу с такими навыками, не поймут меня воины, – решил поделиться со мной возможными вариантами «трудоустройства» сотник. – Сам в бою сгинешь и товарищей за собой утащишь! Да и тебе будет стыдно свое неумение напоказ выставлять. Это в старшей! В младшей же постоянно от насмешек придется отбиваться, это же отроки! Чему-то уже научились, а в разум еще не вошли. Ум короткий! А ты теперь боярин,

невместно боярской чести будет, когда над тобой потешаться станут. Мало ли не сдержишься?

Стою, слушаю. Слушаю и молчу. А сотник паузу тянет, ждет моей реакции на свои слова. Он что, думает, что обиду выкажу? Не выкажу! И хорохориться не буду. Он все правильно сейчас говорит. А раз говорит, значит, точно что-то толковое подсказать может. Иначе бы просто молчал.

– Тебе бы для начала выздороветь окончательно. Голова болит?

– Бывает, – соглашаюсь, поскольку не соглашаться было бы полной глупостью.

– Во-от, – тянет сотник. – Жаль, Стефа тебе уже ничем после всего случившегося не поможет... Другой такой сильной травницы в городе нет! А ты к Алене сходи! Она хоть и не столь сильная знахарка, как боярыня, а тоже многое умеет.

Молчу, советы на ус мотаю.

– Подлечишься, затем наставника наймешь на первое время, – в конце концов присоветовал сотник, явно довольный моим молчанием. – Восстановишь воинские навыки и уже тогда приходи...

– Да что я, не понимаю, что ли! – согласился со всеми доводами. – Вот только где его взять, такого наставника? Опять же, ему сколько-то платить за науку нужно, а у меня нечем...

– Да слышал я, что у тебя из дома все выгребли. И вообще всего род лишили. Что, совсем нечем платить?

– Совсем. Наверное.

– Это как так?

– А так, – вздохнул. – Не разобрался еще с наследством. Хотя что там разбираться, если кроме дома ничего не осталось!

– Зато сам живой остался! – подбодрил меня сотник.

– Это точно! – вздохнул. – Давай лучше решать, что со мной дальше делать будешь!

– А за нас с тобой давно князь все решил! Сказано принять в дружину, значит, принять! Другого мнения быть не может. Да и ты, как я понимаю, согласие свое уже дал. Так?

– Так.

– Тогда и разговаривать не о чем. Считай, что зачислили тебя уже. Пошли обустраиваться.

– Куда обустраиваться? Я что, здесь же и жить буду? А как же Алена? Наставника как искать?

– А ты думал, дома ночевать станешь? Нет, теперь у тебя начнется настоящая жизнь, воинская! И на Алену время тебе выделим, и на занятия с наставником. Если, конечно, с кем-нибудь сговоришься...

Вот обрадовали так обрадовали... Выходит, у меня снова курс молодого бойца намечается? Нет, тогда буду проводить его на собственных условиях! Боярин я или так, погулять вышел?

– погоди! – остановил развернувшегося в сторону казарм сотника.

Казармы это на самом деле или не казармы, меня мало

волнует. Как привык, так и буду их называть. Про себя.

– Что еще придумал? – Мое самоуправство явно не понравилось воинскому начальнику. Ишь как нахмурился. Ничего, сейчас я тебя еще сильнее озадачу!

– Есть еще один вариант, который мы с тобой не учли, – говорю, словно бы раздумываю.

– Какой такой «вариант»? Нахватаются всякой дряни, – скривился сотник. И забурчал, громко так и весьма наставительно: – Ты же боярин! У вас в роду никогда купцов не было, и торговых дел с иноземцами вы никогда не вели! Откуда тогда столько слов дрянных находишь? Да еще и по городу потом наверняка их разносишь! Что это еще за словечко такое – «вариант»? Мерзость какая!

– Иноземное как раз и есть, – отмахнулся. – Не бери в голову.

– Зачем в голову брать? И как? – Сотник посмотрел на свои руки, потом потер пальцами затылок.

– Ну, не переживай, в общем, – отмахнулся я от более подробных объяснений.

Все равно я еще много раз буду с подобными словами и выражениями палиться, поэтому лучше сразу пусть привыкают. Заодно и моей больной голове оправдание лишнее появится.

А сотник сам себе противоречит. То предлагает сначала подлечиться и наставника для восстановления первичных навыков найти, то сразу в казарму запихнуть хочет! Нет,

нужно брать свою судьбу в свои же руки! И я выдал:

– А если мне вольным слушателем устроиться?

– Кем? – окончательно завис сотник.

– Слушателем. Вольным, – повторил я. – Буду как бы в дружине числиться. На построения разные ходить... Есть же у вас тут нечто подобное? Во-от, – дождался от ошеломленного моим предложением сотника подтверждающего кивка головой и продолжил рассуждать: – А сам начну у себя во дворе утерянные навыки восстанавливать! Выкручусь как-нибудь! Неужели не получится хоть с кем-нибудь об учении договориться? С ветераном каким-нибудь стареньким? А я в долгу не останусь и расплачусь честь по чести... Потом... Опять же, долечиться проще будет...

Морду лица при этом постарался сделать одновременно простодушной и хитрой. Явно у меня это хорошо получилось, вон как сотник заинтересовался! Ну что? Осталось только обговорить детали? Ох, придется на какое-то неопределенное пока время забыть о положенном мне денежном довольствии...

* * *

Договориться... получилось!

Не совсем так, как я рассчитывал, но и так вышло неплохо. Всего-то требовалось сначала общую физическую подготовку поднять. А там уже можно было и о следующем этапе

разговаривать.

На самом деле все оказалось не настолько пугающе, как мне сотник расписал. Да, присутствовать в обязательном порядке нужно будет не только на утреннем построении, придется и ночевать в дружинном доме! И общеукрепляющие физические тренировки тоже придется вместе со всеми выполнять. Это, как я понял, утренняя зарядка! Ну или то, что здесь ее заменяет. И длится эта зарядка с раннего подъема аж до позднего завтрака! Ну какая это зарядка? Полноценная тренировка, вот что это такое! И продолжается она после завтрака! А где теория? Занятия там всякие, повышающие профессиональную подготовку и укрепляющие моральный облик... Стоп! Куда-то меня не туда повело... А все потому, что голова больная...

Но и тут были варианты. Правда, пока не для меня. У меня просто сил не оставалось куда-то после окончания занятий уходить. Потому что гоняли тут немилосердно, и физическая подготовка для всех, невзирая на возраст, находилась на первом месте.

Прыжки и приседания, сначала простые, без отягощения, а потом со все более и более увеличивающимся грузом на плечах. Ходьба и бег по вкопанным в землю бревнам. Тут я мудрить не стал, как не стал и подражать своим более опытным товарищам. У меня же отмазка есть! Поэтому начал с самой маленькой высоты. И правильно сделал, потому что то и дело приходилось на землю спрыгивать. Вот когда понял,

что, несмотря на отличное самочувствие, голова не до конца выздоровела. И каждый такой соскок в голове набатом и сотрясом отзывался. Даже кровь в один прекрасный момент пошла из носа. А если бы сразу на самые высокие бревна полез? Вот было бы смеху, если бы с высоты нескольких метров упал... Костей бы точно наломал, своих собственных... Как кровь брызнула, так в тот раз занятия для меня и закончились. Отправил сотник меня к Алене на поправку здоровья.

Бег... Здесь можно говорить долго или не говорить вообще ничего. И так все всем понятно. Тем, кто сам бегал, конечно же. Кто никогда не бегал, тот все равно ничего не поймет.

Потом поднятие тяжестей на развитие силы, ну и на закуску – упражнения на растяжку. Вот когда я добрым словом помянул прежнего владельца этого тела. А вообще, я уже почти и не вспоминал этого самого прежнего владельца. И тело это ощущал как свое родное.

Перерыв на обед, и все заново. И так до отбоя. Хорошо хоть электричества здесь нет, поэтому отбивались с наступлением темноты. Но и вставали с петухами. Вот этих громкоголосых тварей везде было вдосталь!

Что удивительно, трудно было только в первую неделю. Потом как-то приноровился, привык, и все эти занятия стали приносить удовольствие. Наверное, я извращенец или мазохист, если все эти физические страдания начинают нравиться? Не знаю. Вряд ли... Может, просто вхожу во вкус?

И мне просто нравится быть сильнее других и... ловчее, что ли? Или тут все дело во внутренней мотивировке? А мотивировка у меня такая! Самая что ни на есть простая. Простая и жизненная: сдохну, но выкарабкаюсь! Второго шанса мне уже никто не предоставит. Прямо так пернатые тогда и сказали, и слова те в мою память намертво врезались!

А дальше что? А посмотрим! Не хочу сейчас далеко загадывать. Хотя к чему вообще стремиться в этой своей жизни, уже знаю. Дом мне оставили, а к дому еще много чего бы нужно приобрести! Потому что жить... Или, скорее, существовать с голым задом — точно не по мне...

* * *

Как я и ожидал, все оказалось не столь уж и плохо! Многие дружинники увиливали и от занятий, и от дежурств. Всегда можно было за малую денежку договориться с менее имущими товарищами и отправить вместо себя в караул кого-то другого. Приходилось еще и начальству при этом отстегивать, чтобы не возражало, но тут уж никуда не денешься.

Что еще? Тут все почти точно так же, как и у нас в армии. Сдаешь необходимый минимум по физической подготовке и можешь быть свободным до следующего зачета. Драконовские меры назначаются только тогда, когда ты этот минимум сдать не можешь...

Вот почему тогда дружинники на лавочке отдыхали во время занятий. Ну, когда меня на вшивость проверяли. А я еще удивился такой праздности... Не понимаю такого отношения к собственным навыкам у некоторых бойцов. Ведь от них, от этих навыков, твоя собственная жизнь зависит! Поэтому гонял сам себя даже не до седьмого пота, а до изнеможения.

Думал, я здоровый и сильный? Как бы не так! Очень удивился, когда на настоящих дружинников посмотрел. На то, как именно они занимаются и сколько времени над собой измываются. Остальные – это так, ленивая пыль. Поэтому нам тогда на стенах так тяжело и пришлось.

Насмотрелся и пример решил брать с самых подготовленных. Есть к чему стремиться. Перенимал науку, пыхтел и тянулся. И что-то со временем начало получаться. Сначала над моими потугами беззлобно подшучивали, посмеивались, потом притихли. Перелом в отношениях наступил, когда один из ветеранов подошел и показал, как правильно нужно выполнять незаладившееся у меня с самого начала очередное упражнение с мечом. Ну никак не давалась мне эта наука. Так у меня появились первые наставники... Пока бесплатные, потом, я так понимаю, одной благодарностью уже не отделаешься...

Выходил ли в город? Выходил. По выходным. Просто для того, чтобы сделать небольшую передышку в занятиях. Ну и заодно посмотреть на сам город, на людей полюбоваться. И

на девушек тоже.

Ну а что? Не железный же я. Тем более физическую форму набрал, многие упражнения уже довольно-таки хорошо получались, в голове оставалось место не только для воинских наук, но и для обычных человеческих радостей.

Получил я и первое свое денежное содержание. Ну как содержание? Слезы... Поделил на пять равных частей и поморщился. Одну часть – сотнику, раз уж договаривался. Вторую – на будущих учителей. Третью – на лечение, я и так Але не задолжал. Она, правда, денег с меня не просила, но я на хлебником и халявщиком быть не хочу. Все эти травы, зелья и настои явно не даром девчонке достаются! Поэтому третью часть вручу знахарке, мало ли когда еще придется обратиться. Четвертую кучку монеток потрачу на себя. Мне тоже много чего нужно. В доме даже соли не оставили, все выгребли! Даже есть не в чем и нечем. Про одежду вообще пока молчу... Оставшуюся пятую часть припрячу в каком-нибудь укромном месте. Пусть на черный день лежит.

М-да. Копейки! Придется начинать с малого, с той же ложки-миски. Тем более что уже научился разбираться в товарно-денежных отношениях этого времени. На торг один не пойду, Данилу с собой прихвачу. Мало ли...

Глава 5

Смотрю на жалкую кучку оставшихся серебрушек и отчетливо понимаю, что все мои хотелки придется отложить до лучших времен.

После первого прохода по торговым рядам решительно направился прочь, не обращая никакого внимания на трусящего позади Данилу. Не соответствуют местные цены моим нынешним возможностям.

Торг поразил. Никак не ожидал подобного буйства красок и разнообразия в одежде и обуви. Головные причудливые уборы у женщин, сложные и простые прически, локоны и кудри, длинные косы до самой попы и даже ниже кое у кого. Меха́вая и плетенная из лыка обувка тут тесно соседствовала с крепко сшитыми кожаными сапогами и, не поверил сначала, самыми настоящими туфлями! Даже подошел ближе, чтобы аккуратно, стараясь никак не выдать своего любопытства, рассмотреть эту обувку в подробностях. И выдохнул, когда понял, что это у меня воображение с какого-то перепугу разыгралось. А я-то уже напридумывал себе всякого...

Удивился и местной музыке, если эти пронзительные звуки, что усердно выдували уличные музыканты из своих берестяных рожков, можно назвать музыкой! Но мелодия в этой какофонии все-таки прослеживалась.

Пересчитал еще раз монетки в кошелье. Знаю же, сколь-

ко их там сиротливо приютилось, а все равно пересчитываю. Трудно смириться с собственной неплатежеспособностью. Надеюсь, временной.

Спутник мой молчит, слово лишнее опасается сказать. Потому что уже успел высказаться, когда увидел открытый кошель и сообразил, отчего это я так посмурнел. Ну и от простоты душевной тут же предложил воспользоваться его собственными финансами.

Ему не жалко, а мне каково? Ему в кошель деньги тоже не с неба валятся. И так столько времени за его счет существовал. Даже ночевал на принесенном им из дому постельном белье. Так что хватит халявить!

Все, что на душе за эти дни накопилось, все выплеснул. Себя ругал, свою нынешнюю беспомощность, а парень подумал, что это я ему выговариваю! Ну и расстроился.

Теперь вот оба молчим. Я монетки пальцами перебираю, успокаивает меня это простое действие, а Данила... Покопался в его сторону и удивился сильно: почему это спутник мой носом крутит так усиленно? Через мгновение дошло, что принимаю. Я тут себя поедом за словесный понос ем, а он давно обо всем забыл!

Тут-то и мой нос уловил аромат свежей жареной рыбки! Ноздри затрепетали, втянули плывущие по улочке запахи, в брюхе пустом вожаденно кишки квакнули. Монетки сразу забылись, рука на автомате их в кошель ссыпала. Затянул завязки, тощенький мешочек за пазуху пристроил. Не выпадет,

пояс не даст.

– На пояс привязать нужно, – тут же ожидаемо отреагировал Данила.

– На пояс так на пояс, – согласился.

Посмотрел, как именно Данила свое добро в кошеле носит, и сделал точно так же. Нет, ерунда же полная! Теперь понимаю, почему воришки уличные могли так легко эти самые кошельки срезать. Всего лишь один кожаный шнурок перерезать, и все, только ладошки успевай подставлять, чтобы падающую вниз добычу поймать!

Нет, не мой это вариант. Придется придумывать что-то вроде знакомой всем поясной сумки. Или подсумка. Это еще проще будет и лучше. При первой возможности закажу себе такую сумочку для всяческой мелочовки. Не только же деньги приходится с собой постоянно носить. Тут и трут с огнивом имеется, и ключи от дома, от кладовой, от кабинета побрякивают.

Ну и что же, что все эти помещения у меня пустые стоят? Не всегда так будет! А ключи – дело такое, и держать их лучше подальше от чужих ручек. Правда, они от наших очень сильно в бо#льшую сторону отличаются, и вес оттого имеют немалый, но оставлять их в пустом доме мне почему-то очень не хочется. Сам не пойму, в чем причина такого нежелания, но спорить с самим собой резона нет!

На Рыбный рынок на реке Пскове все-таки пришлось зайти. В короткой схватке между тощим кошельком и голодным

желудком победил понятно кто. И рука сама собой потянулась к завязкам кошель.

Цены здесь оказались настолько демократичными, что на резан мы с товарищем моим натрескались по самое не хочу и еще с собой унесли столько, сколько в руках смогло уместиться.

Была у меня мысль тут же прикупить лукошко из лыка, чтобы больше еды прихватить, да не тут-то было. Не прошел мой фортель. Только то, что унесем в руках! Такой, оказывается, был уговор.

Жаль, не обратил внимания на то, как Данила торговался. Все по сторонам смотрел, любопытничал да прислушивался, уши развесив. Интересно же. Теперь буду знать, когда можно клювом щелкать, а когда категорически не стоит этого делать.

Лукошко все равно купил. Не в руках же рыбку жареную таскать. Только за покупку расплачиваться пришлось Даниле. Да он и сам сообразил о своей промашке, потому и не возражал моему прозрачному намеку, кошель развязал без спора.

В этом случае совесть моя предпочла заткнуться и промолчать. За рыбу я расплачивался, так что если за лукошко Данила заплатит, то будет все равно...

Живой рыбе в огромных дубовых бочках не удивился. Бывает, чего уж там. А вот распластанной на деревянных прилавках красной рыбе поразился. Даже подошел вплотную,

чтобы пальцем в жабры потыкать. Не поверил, что свежая. В этих-то краях! На соседнем прилавке стерлядь увидел и форель. Думал, привозная рыбка. Не выдержал, расспросил Данилу, откуда привозят. Оказалось, все местное. Надо же...

Поднялись от рынка вверх, прошли вдоль берега мимо деревянной церковки по купеческой улице, свернули к центру, и я замедлил шаг. Поразили стоящие возле своих домов неподвижные и молчаливые женщины разного возраста. Больше всего, само собой, зрелого! Молоденьких совсем немного стояло. И, что самое интересное, каждая из этих женщин держит во рту монетку. Медную или серебрушку. И тишина на улице. Даже рыночный шум сюда почти не долетает.

– Это что тут такое? – спросил товарища. Правда, уже и сам сообразил, что это такое.

– Это веселая улица, – отмахнулся от вопроса мой спутник. Мол, чего спрашиваешь? И так все понятно. А сам головой крутит, то к одной бабенке присмотрится, то к другой.

Спрашивать, почему у одной во рту медь, а у другой – серебрушка, не стал. И так все понятно. Кстати, а губы у тех, кто медяху держит, как будто темной помадой вымазаны! Уж не отсюда ли пошла мода губы помадой пачкать?

Мужички по улице ходят, присматриваются. То к одной бабенке подойдут, о чем-то перемолвятся, то к другой. Договарятся и скроются в доме. Даже кое-кого из дружинников знакомых здесь увидел. И Данила вдруг засуетился, заметал-

ся взглядом, притормозил меня:

– Я тут отлучусь ненадолго?

А сам так взглядом к одной разбитной бабенке и прикипел. Что ж, все понятно. Я бы и сам не прочь оторваться, да денег у меня на подобное развлечение не предусмотрено!

– А я пока в сторону дома пойду, – отпустил обрадованного товарища.

Тот даже не стал выспрашивать, почему это я его примеру не следую, так и направился сразу же по намеченному адресу с неотвратимостью выпущенной по цели торпеды.

Пока добирался, то и дело ловил на себе любопытные взгляды прохожих. Открыто никто не пялился, так, мельком поглядывали, и все. Даже пацанята и то не проявляли открытого интереса. Так, сопровождали немного, держась в некотором отдалении, и отстали, стоило мне только оглянуться на них разок.

На набережной у дома – никого. Чуть поодаль какая-то мелюзга по колено в воде бродит, то и дело наклоняются, руками по дну шарят. Вылавливают что-то, наверное.

Калитку за собой на засов закрывать не стал. Еще же Данила прийти должен. Не успел до крыльца дойти, как калитка за спиной скрипнула! Ледяным холодом спину проморозило, крутнулся на пятке, и меч в руке сам собой оказался. И тут же выдохнул, расслабляясь. Клинок плохонький, что мне выдали, в ножны пихнул, еще и ладонью по оголовку рукояти прихлопнул, чтобы в раздолбанных ножнах его хоть как-

то зафиксировать.

Эти явно не по мою душу пришли. Тем более не успели в калитку протиснуться, а уже спину переломили, в поклоне склонились. Значит, люди несвободные. И ножей я на поясах ни у кого не наблюдаю. Точно, несвободные. А кто тогда?

– Боярин, прими обратно на службу! – развеял тут же мое недоумение самый старый из них.

Голова седая, волосы чистые и сам весь опрятный такой. Аккуратный даже. И цену себе явно знает. Даже кланяется с достоинством.

Всех рассмотрел. Стоят, не разгибаются, ответа ждут. А какой ответ я могу дать, если у меня на веселых девок денег нет! А девки мне сейчас всяко разное важнее всего непонятного будут. От них великая польза молодому организму бывает. Тем более что болячек интересных здесь еще нет. Наверное...

– Вы кто такие?

– Неужели забыл? – Старик от удивления даже распрямил спину. И остальные головы тут же позадирали. Смотрят, рты пораззявили, но спину продолжают держать согнутой. Точно, смерды! Или холопы? Нет, смерды вроде бы называются.

– Я многое забыл, – протянул, раздумывая, что с этими людьми делать. Понятно уже, кто это. Вопрос только, почему их наряду со всем нашим добром сразу не прибрали? Или они из вольных? Не знаю, нет у меня информации. Другое дело – принимать их назад или нет? Вот зачем они мне нуж-

ны? Они же удрали один раз? Значит, предали! И запросто предадут еще. И еще. Платить опять же нечем... Да и вообще, за чем можно в пустом доме присматривать? Если только сами стены охранять в мое отсутствие. У меня даже пыль с бревен протирать не нужно, отсутствует она напрочь.

Пылиться потому что нечему! И даже кухарке тут пока делать нечего! Конюху тем более. Ключнице? Пальцы сами по себе по ключам в кошеле пробежали, словно по клавишам. Каждую железку ощупали, уложили там покомпактнее, рядом, чтобы не торчали в разные стороны, острыми гранями наружу не выпирали. Кожа тонкая, легко прорваться может.

Тут я завис. Потому что одно только это слово всколыхнуло огромный пласт воспоминаний. Сначала знаменитая комедия припомнилась, потом та жизнь перед глазами промелькнула со всеми ее хорошими и плохими моментами. Почему-то плохих оказалось больше. Наверное, потому, что все хорошее быстро забывается?

Вздыхнул. Да мне даже водку пока не из чего перегонять! Седой вмиг сообразил, что нет у меня никакого желания всю эту братию назад принимать. А еще на кошель глянул, на то, как я пальцами тонкую шкуру мну. Дошло, видимо, что у меня там кроме ключей ничего и нет. Не тужится моя сума округлыми боками, не перезванивает сыто монетками.

Сообразил – и голову понурил. Но вскинулся сразу же, еще раз уважительно поклонился и, вывернув голову набок, проговорил торопливо:

– Да нам ничего и не нужно, лишь бы крыша над головой была! И харчеваться чтобы позволили. И с батюшкой вашим так же уговаривались!

– Да вам какой прок от такой службы? – Сказать, что я удивился услышанному – значит ничего не сказать.

– Так при боярине служить – честь великая, – объяснил седой.

– Ну служите, коли есть такое желание! – А что им еще сказать? Да и впрямь, что мне, места в доме не хватает, что ли? А так все живые люди рядышком будут находиться.

А расспросить я их позже подробно спрошу. Почему ушли, чем все это время занимались, где были? И в сказку про то, что одной крыши над головой им будет за службу достаточно, я не верю. Скорее всего, не так он и сладок, этот хлеб свободы. Особенно когда его купить не на что. А если и есть на что, то тогда съесть негде. Вот тут и выплывает она, крыша над головой. Или еще что. Опасаются, что прихолопят? Возможно. Жаль, Данилы нет, он бы подсказал, в чем тут дело. Что-то подзадержался он у разбитной бабенки. Как бы без средств не остался. Ну да это его личное дело. А без людей в доме на самом деле пусто. Возвращаться сюда даже не хочется. А так, глядишь, все веселее будет...

* * *

Плюсы ощутил сразу же, когда попытался серебрушку ку-

харке отдать. Ну а что? По моему разумению, кому еще, как не ей на рынок ходить, раз она кухней заведует? Значит, продукты тоже она должна закупать.

Седой остановил. Покряхтел за спиной, я и сообразил, остановился и оглянулся. Тут-то он мне и присоветовал, даже не присоветовал, неправильно я выразился, а намекнул аккуратно, что деньги лучше ключнице отдать! Она и будет за всем присматривать. И за порядком в доме, и за работниками, и за наличием на кухне продуктов. И руководить. А мне будет достаточно ей свою боярскую волю высказывать. Ну так даже проще для меня.

Седой только рукой поманил, и вот она, хранительница замков и ключей, передо мной явилась. И откуда только вынырнула? Я ведь ее даже близко не видел... Подумал, да и передал ей все мои ключи. Заодно от лишней тяжести освободился.

А тут и Данила объявился. Появлению в доме новых людей не удивился, выслушал мои сбивчивые объяснения и покивал головой:

– Это я их позвал.

И тут же заторопился, зачистил:

– Нельзя боярину в собственном доме без дворовых людей. Никак нельзя! За порядком кто будет смотреть? А кухня? А двор и все остальное? Тем более эти, – кивнул головой на прислушивающегося к его словам седого, – служить готовы за крышу над головой!

– Ой ли? – усомнился я в его словах. И тоже посмотрел на седого.

– А кому они нужны? – удивился в ответ Данила. Потом, видимо, припомнил мои скудные познания в местной жизни и пояснил: – Они же всю свою жизнь чужому роду служили. И никто чужаков к себе в дом не примет просто так. Если только прижмет крепко...

Я еще разок глянул на седого, проверил его реакцию на эти слова. И седой не подвел, тут же головой закивал.

– Ладно, посмотрим...

Если что, отказать им от дома я всегда смогу. Да и чего я так опасаясь? Воровать в доме нечего. Кроме голых стен, ничего у меня не осталось. Если только то, что Данила при-тащил? Так оно все на виду. За принятых людей начинаю переживать? Так они знали, куда шли и на что подписались.

Кстати, а с ними какой-нибудь договор нужно заключать?

Оказалось, достаточно устной договоренности. Ну разве так договариваются? Обживусь немного, приподнимусь в хозяйственном и финансовом плане и порушу эту порочную практику. Эти уже один раз нанялись в дом! И благополучно сбежали! Так что договариваться я буду по-другому. Но позже. А пока...

А пока я с удивлением понял, что за эти короткие минуты дом уже перестал выглядеть таким безжизненным. Кто-то где-то чем-то гремел, копошился... Откуда-то появилась пыль, заставила расчихаться.

– Это еще что такое? – удивился происходящему.

– Порядок наводим! – откликнулся тут же седой. – В доме столько чужих побывало, нужно все вымести, отмыть, обе-
реги... – И замялся, понял, что лишнее сболтнул, застыл ли-
цом. И чего так испугался? Неужели меня? Или Данилы?

Так парень вообще мимо ушей все пропустил, ему сейчас больше всего хочется к себе в комнатку убраться да после веселого времяпровождения отлежаться. А мне какая разни-
ца? Пусть будут обереги. Поэтому махнул рукой: мол, пустя-
ки, дело житейское. И седой расслабился...

– А гремит там что?

– Так Луша на кухне свое хозяйство перебирает, от грязи
отчищает.

– Какое хозяйство? – удивился. – Не осталось же ничего!

– Осталось, еще как осталось. Успели кое-что припрятать!

– Та-ак. А ну-ка пойдем, глянем. А потом ты мне очень
подробно расскажешь, что вы еще успели прибрать...

Но больше всего мне интересен тот факт, где это все укры-
вали? Получается, в доме полно тайников? Выходит, что не
только я, но и все те, кто дом обносил, до этих тайников не
добрались? Да быть такого не может!

* * *

Пришлось благодарить Данилу за его инициативу, не зря
он дворню вернул. Пусть и не много они успели припрятать,

но кое-какая посуда пришлось как нельзя к месту. А потом седой прошел со мной по дому, показал и другие тайнички.

Была в них кое-какая одежда. В основном та, которая больших даже по местным меркам денег стоит. Не меховая, как мне подумалось, а из дорогой привозной ткани. Шелковой и еще какой-то, более плотной на ощупь. Это не мои слова, это все мне попутно седой объяснял.

Само собой, не обошлось без оружия. А вот денег, на что я больше всего надеялся, нигде так и не оказалось!

– Ты, боярин, в верхней горенке посмотри. Где-то был у твоего батюшки там тайник, это я точно знаю! – Седой сразу догадался о причине моего разочарования.

– Откуда? – придержал я за плечо седого, заставил его остановиться и развернуться ко мне лицом. – Откуда ты все это знаешь?

– Так я же все это сюда и прятал! На такой вот случай. По слову боярина! – не опустил глаз седой. – Степан Борисович как знал, что из своей поездки в Новгород не вернется. И перед самым отъездом вызвал меня к себе. Поручил все это добро припрятать. И на столе у него несколько больших кошель лежало. Так что есть тайник в кабинете, есть. Только где он находится, то мне неведомо!

– По слову боярина, говоришь, – повторил в раздумье. – Выходит, доверял тебе мой отец, раз поручил такое дело?

– Так я всю свою жизнь вашему батюшке служил верой и правдой, и отец мой, и дед так же служили! – выпрямил спи-

ну седой. – Неужель и впрямь ничего не помнишь, боярич? – И тут же спохватился, поправился: – Боярин...

– Как на стене по голове топором получил, так всю память напрочь у меня и отшибло.

– Выходит, люди правду говорят?

– Правду, правду.

– И как же ты без памяти-то, боярин? Как можно жить, не помня ни роду своего, ни племени?

– Да как-то так и живу. Что-то Данила рассказал, что-то ты вот сейчас.

– Может, и вернется память-то?

– Может, и вернется. Так что ты там про тайники еще говорил? Показывай дальше. И, кстати, тебя как кличут?

А то я все ему – седой да седой. Не дело это.

– Прохором зови, – поклонился в пояс седой.

– А ключницу как?

– И это забыл? Ты же за ней дитем сколько бегал, все сладости требовал!

– Ничего не помню, – наконец-то поверил старому и снял руку с его плеча.

– Марья она. Лушу я тебе называл... А конюха Копытом кличут. Его в отрочестве на конюшне у батюшки твоего жеребец прямо в лицо копытом крепко приложил. Повезло еще, что глаза не выбил. Так с тех пор прозвище и прилипло к парню. Так-то его Лех зовут, но об этом уже мало кто помнит.

– Почему Лех?

– Из ляхов он, – с готовностью принялся рассказывать Прохор. – Из набега полон привели, так боярину тогда в числе прочих и он мальцом достался. Лехом тогда же и прозвали. Лях – Лех...

– Понятно. А кроме вас больше никого не осталось?

– Так все остальные в закупе были. И в рабах. Так всем скопом и увели. Куда, не знаю, не спрашивай даже. Но точно в городе никто не остался. Я бы знал.

Дальше расспрашивать не стал. И так все понятно. Или в деревни отправили, или на сторону продали.

– Ладно, ты ступай, делом займись, – отпустил я седого.

Постоял да и пошел в верхнюю горенку, которую кабинетом про себя называл. Остановился в дверях, огляделся по сторонам, на голые бревенчатые стены полюбовался. Протянул руку, провел пальцами по гладкому бревну. Ну и где тут тайник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.